

Владимир ШКВАРЧУК

Из-под грифа "Совершенно секретно"

ГОЛОДОМОР 1932-33 ГОДОВ НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

Чернигов, 1998

Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал ее как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока. Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!

Сталин

Однажды Президент Кравчук (еще не "экс-") с подкупающим простодушием публично заявил, что про голодомор 1932-33 годов на Украине он (даже на посту главного идеолога КПУ!) ничего не знал. Не будем удивляться. "Меня события тех лет тоже беспокоили, -- рассказывал давний сотрудник КГБ. -- Но чтобы получить в архиве соответствующие документы, нужно писать обоснование. Начальство сразу усекет: интересуются заведомо ложными антисоветскими измышлениями". Естественно, были связаны весьма жесткими обязательствами о неразглашении -- вплоть до уголовного преследования -- сотрудники партийных, государственных, отраслевых, ведомственных архивов. Многих и сейчас не вдохновляет эта тема. Во многих случаях лица, проявляющие особую заинтересованность в сокрытии этого периода нашей истории, просто показывают, каких родителей они дети и на кого равняются.

Тоже ничего удивительного. Даже в те времена не все воспринимали события одинаково. Кроме общего, каждый из нас живет еще в своем собственном мире. Поэтому заботы темной, замученной крестьянки, решившейся в полуживотном приступе инстинкта самосохранения съесть собственного ребенка (об этом речь впереди), и заботы умного, тонкого, образованного, но всей своей деятельностью подталкивающего ту женщину к самому страшному преступлению против человеческой природы, первого секретаря обкома КП(б)У -- разные заботы. Чтобы лучше представить себе то время, сперва глянем окрест с колокольни последнего.

Тов.Маркитан приступил к исполнению своих новых обязанностей в октябре чрезвычайно неблагоприятного 1932 года -- в момент создания Черниговской области из 36 районов, относившихся ранее к Киевской и Харьковской областям. Вотчина ему досталась неоднозначная. С одной стороны, царь Николай крайне безответственно отнесся к грядущему построению в одной отдельно взятой империи давно зреющего в лучших умах его подданных социализма (речь о радетелях про всеобщее благо типа Базарова, которые, по остроумному замечанию одного публициста, сперва с научной целью резали лягушек, а потом принялись за людей) -- поэтому преступно не обеспечил его надлежащей материальной базой. К тому же, разрушенный гражданской войной, Чернигов по состоянию коммунального хозяйства представлял собой не областной центр, а заурядное поселение сельского типа дореконструктивного периода.

Электростанция, оборудованная двумя допотопными дизелями, работает с перегрузками, напряжение в сети настолько низкое, что вечерами лампы накаливания практически не светят. 27 км водопровода (24% к общей протяженности улиц), построенного в 1870 году и ни разу не отремонтированного, дают утечку воды до 40% и не только не покрывают потребностей горожан, но и никак не предохраняют от постоянной угрозы пожаров. Совершенно отсутствует канализация. Состояние ассенизационного обхода настолько тяжелое, что город буквально задыхается, не прекращаются эпидемии желудочных заболеваний. Из 113 км улиц замощены только 30 км, изношенность мостовых достигает 50-60%. Тротуары, в том смысле, какой обычно вкладывается в это слово, отсутствуют целиком. Мосты через Стрижень разрушены. Ни одного дома после революции не построено. Жилищный фонд, обеспечивающий всего 5 кв. м на человека, три гостиницы на 193 койки -- в отвратительном состоянии. Около 150 человек из ответственного руководящего состава и специалистов областного аппарата не имеют квартир. Окончательное разрушение электростанции и водопровода поставит горожан в невыносимое положение. Необходимо прекратить разрушение города и приняться за строительство, поскольку "в период грядущих военных операций Чернигов должен стать крупным тыловым пунктом, где будет проводиться формирование значительных войсковых соединений и разворачиваться большая сеть госпиталей..." (Как видим, в те времена коммунистическая верхушка даже областного уровня помнила предостережение вождей о необходимости революционной экспансии во все стороны мира как о первом условии сохранения власти; неудивительно, что последние коммунистические правители, за исключением разве что Андропова, нагнавшего в свое время немало военной истерии, сосредоточившиеся единственно на своих шкурных интересах и ослабившие во всех звеньях общества казарменный режим, власть упустили). Большие надежды возлагались на строительство катониновой фабрики и фабрики музинструментов.

Неспокойно было вокруг города. Начальник Черниговской областной РКМ (Рабоче-крестьянской милиции) Найденев сообщал о чрезвычайных происшествиях, случившихся буквально за последние дни:

9 сентября из Ревуновского лесничества на участке строительства дороги украли пару коней, после чего через два дня под хутором Лыски в лесу нашли их головы и ноги. Среди бела дня 10 сентября в лесу по дороге в с.Андреевка трое неизвестных ограбили жителя с.Ковпыты Илью Брагинца. 11 сентября по дороге в с.Смолин в Жидиничевских хвойниках пятеро вооруженных налетели на подводчиков, возвращавшихся с хлебосдачи. Той же ночью трое неизвестных обстреляли в с.Шестовицы колхозников Петра Рыбалку, Аникея Куцого, Степана Асауленко. В ночь против 12 сентября на хуторе Шевченко у Филиппа Синицкого похитили корову. В ночь против 13 сентября на хуторе Борки ограбили кооперативный магазин. Той же ночью в с.Козлы два преступника, грабя картошку, убили Дулю Гурина. 14 сентября в лесу между селами Рябцы и Сядричи двое бандитов отняли у жителя хутора Глиненки Багурного, везшего в райбольницу больного 16-летнего сына, коня и подводу, причем один из бандитов пальнул для острастки в воздух, а другой полоснул ножом по руке мальчишку. В с.Рыжики, не выдержав тягот строительства новой счастливой жизни, повесился единоклассник Иван Данилов...

С другой стороны, были налицо несомненные достоинства (вскоре обернувшиеся несомненными недостатками). Секретарь ЦК КП(б)У Зайцев, гастролируя районами области, с чувством хищного удовлетворения в своей докладной записке Генеральному секретарю ЦК КП(б)У Косиору констатировал:

"Вновь образованная область меньше всего подорвана экономически прошлогодними перегибами. В 1931 году сюда ездило много мешочников, покупали хлеб, свиней, поросят, гусей, курей, уток. На сегодняшний день нигде на Украине нельзя встретить по селам такого количества мелкой живности, как в Черниговской области. У единоличников кони прекрасной упитанности, в колхозах уход хуже. Не верю, что от одного сена, хотя оно здесь и прекрасное, лошади имеют такой вид. Вероятно, скармливают зерно. В базарные дни в городах и райцентрах большой съезд крестьянских подвод", -- то есть высказывалось страстное большевистское устремление низвести этот цветущий, с точки зрения члена ЦК, сельскохозяйственный край к более привычному уровню.

Вот в это время и при таких условиях подоспела Великая хлебозаготовка. Кремлевскому маньяку, заменившему на посту "кремлевского мечтателя", нужны были по нарастающей: повальная индустриализация всей страны; самая мощная и передовая военная промышленность; огромная непобедимая механизированная армия, авиация и флот; вторая мировая война; первая и последняя мировая революция; единоличная глобальная власть (получив которую, как уверяют психологи, ее обладателю, с выжженной дьяволом душой, осталось бы только размозжить себе голову о ближайший угол); а для этого был нужен хлеб, много хлеба -- весь хлеб, в первую голову, -- с ненавистной ему в личном отношении (свидетельство Хрущева) Украины и прискорбно украинизированного Северного Кавказа.

План спустили такой, что можно было подумать: шутит тов. Сталин или машинистки напортачили (чтобы не загромождать исследование на сугубо местную тему цифрами, партийными и правительственными директивами, иными основополагающими указаниями, преданными огласке другими изданиями, в документальной части этого очерка ограничимся преимущественно неопубликованными, некогда строжайше засекреченными материалами из черниговских архивов). Тот план был равносильен приказу коннице Буденного в течение часа покорить Луну, если бы такой приказ отдали. С мест последовали аргументированные протесты. В Кремле "гласу народа", как всегда, вняли: план подкорректировали. Недоумение, однако, не рассеивалось. План еще скостили, но не настолько, чтобы его можно было принять всерьез. Возражения, мольбы о пощаде не убывали. И в третий раз план "уточнили" (очевиден расчет кремлевского психолога: человеку, оглушенному кувалдой, может показаться, что удар молотком по голове он как-нибудь выдюжит). Окончательные цифры реальными не были, но все поняли: что-то в мудрой генеральной линии партии они преступно не постигают, поэтому лучше не искушать бесконечную уступчивость тов. Сталина, а принять план к безоговорочному и безотлагательному исполнению.

Окончательные цифры, доведенные Черниговщине, с виду действительно были милосердны. Сравним. В 1930 г. требовали 13,8 млн. пудов. Трудно, но кое-как справились. Партия мыслила арифметически: не умерли -- сдадут и больше, для коммунистов преград не существует. На 1931 г. назначили 19,1 млн. пудов. Пришлось действовать с "перегибами"; ближайшие последствия никого не пугали, а отдаленных никто не просчитывал. Но последствия были, поэтому после всех утрясок, снижений и уточнений план на 1932 год составил 16 млн. пудов. Очень много после 13,8 млн., но очень мало после 19,1 млн. пудов.

Оперировав когда пудами, когда тоннами, когда центнерами, обком растолковывал: годовой план до корректировки составлял 195810 тонн. Снизил на 50166 тонн, то есть на 26,1% -- колхозам на 20690 тонн, индивидуальному сектору на 294644 тонны. Новый план, доведенный области на 1 ноября, составил всего 145644 тонны, причем колхозам 65377 тонн, а единоличникам -- 80267 тонн. (Так теперь коммерсанты делают: рядом с перечеркнутой старой ставят новую цифру: мол, налетай -- подешевело!!!) Дальше считали так: по предварительным данным на 1 ноября план выполнен суммарно на 63617 тонны, то есть на 32,4% к первоначальному плану или на 43,5% к новому плану. При общем снижении плана на 26,1%, план по колхозному сектору снижен на 24%, по единоличному -- на 27,8%. Выходило: колхозам теперь вполне справиться можно, ну а единоличникам и вовсе плевое дело -- очень гуманный план! Но: поскольку состоянием на 1 ноября план выполнен суммарно на 63617 тонн, то есть на 32% к первоначальному плану или на 43,5% к новому плану, необходимо, товарищи, нажать! На том, что не хлебом единым исчерпывались интересы партии -- была еще картошка, которой надо было изъять 292348 тонн из колхозов и 322054 тонны у единоличников; были еще свекла, овес, просо, ячмень, вика, фасоль, кукуруза, гречиха, лен, подсолнечник, люцерна; были еще мясо, молоко, государственный заём,

культсбор, децентрализованные поставки овощей и других сельхозпродуктов в Ленинград, Москву, Харьков, Донбасс -- внимание особенно не заострялось. На местах бурлили собрания. Планы районам снижали неодинаково. Например, Мало-Девичьему скостили 5%, а Велико-Бубуновскому -- 43%. На объединенном пленуме Семеновского райпарткома и райисполкома председатели колхозов жаловались: после прошлогодней хлебосдачи села остались без хлеба -- люди питались овсом да макухой, кони отошали. В нынешнем году урожайность озимого клена низкая, посевы позднего овса вовсе погибли, работоспособные люди бегут в города, и хотя нынешний план ниже прошлогоднего -- как его выполнишь? Секретарь РПК Медведев утешился тем, что утвердил в действительные члены партии 22 человека и принял в кандидаты 36 (в этом отношении план пугающим не был), и призвал всех выполнить волю партии за первую пятидневку.

Неспокойно было везде. Допустив, как было признано позже (партия всегда показывала, что задним умом крепка), так называемые "перегибы" (читай: зверства), то есть отняв у крестьян посевное зерно в январе-феврале 1932 года, власти вызвали отчаянное сопротивление. За 9 месяцев года, то есть до начала новой хлебосдачи, по области была отмечена 71-а так называемая "волынка", в которой, по подсчетам ГПУ, участвовало 5350 душ, преимущественно женщин, которые протестовали против насильственного отнятия у них коров на мясозаготовки, требовали хлеба; разбирали колхозное (свое!) имущество; избивали активистов; уничтожали в сельсоветах опасные, закабаливающие их документы. В с.Кучиновка Сновского района взбунтовавшиеся хозяйки удерживали власть в своих руках целых 4 дня.

Отмечало ГПУ (часто с явным преувеличением) и более серьезные выступления. За те же отчетные 10 месяцев года ликвидировано, мол, 34 контрреволюционные группы повстанческого характера, которые охватили своей деятельностью 131 населенный пункт и в которых участвовали загнанные в тупик беглые раскулаченные, опомнившиеся бывшие красные партизаны, совсем зеленая молодежь. Следственно-оперативные разработки ГПУ получали характерные названия: "Шулешовцы", "Реставраторы", "Повстанцы", "Свои люди", "Гапоновцы", "Веснянцы", "Землевольты", "Отщепенцы", "Вильне козацтво"... Было вскрыто 32 случая распространения листовок, преимущественно рукописного характера и в небольших количествах, -- против хлебосдачи и коллективизации, с угрозой расправы, с призывами к восстанию. Какой-то "Штаб повстанческого отряда" выпустил сразу 50 экземпляров, а товарищество "Вибух", ратующее за восстановление украинской самостоятельности, аж 100 листовок. Изъяли 5058 единиц боевого оружия, в том числе огнестрельного нарезного 3485 единиц и 864 боевых патрона. Ликвидировали 19 группировок, занимавшихся, по оценке властей, вооруженными грабежами, террором партийного и советского актива на селе, убийством народных следователей, сотрудников ГПУ и милиции; среди них группировки Момота, Шоломка, Пивня, Ворона-Затулы, Степанца, Грозы-Усенка, Дуды, Педя... Кроме того, по линии милиции зарегистрировали 252 бандпроявления, из которых раскрыли 155, арестовав 379 человек. С 1 ноября по 15 декабря степень пораженности бандитизмом характеризовалась наличием в области 82-х вооруженных группировок с общим количеством в 206 участников. Надеяться при таких условиях изъять хлеб у крестьян единственно силами местной власти не приходилось. Примечательно, что в этой ситуации никто и не вспомнил о так называемых 25-тысячниках -- помните, как браво организовывал всяческие акции в казачьей станице шолоховский татуированный балтийский моряк? Черниговщине с давыдовыми явно не пофартило. Присланные в Куликовский район сознательные рабочие Жовнарчук, Гаращенко, Густов, призванные поставить жизнь сельчан на заводской лад, не получили ожидаемого материального обеспечения и "с досады" почти сразу запили, да еще в компании с не вполне сознательным элементом; а тов.Бльщик, отряженный в Дроздовку, и вовсе в посмешище превратился. Не мог, видите ли, товарищ передовой рабочий не только коров, так сказать, "в лицо" различать, что крестьянам казалось странным, но и людей. Да и специалист был неважный. Однажды запрягли ему лошадь и вожжи привязали, после ударили лошадь пугой -- та рванула с места и перекинула не только подводу, но и самого тов.Бльщика. И что горько: все смеялись, тем самым потворствуя зловерной контрреволюционной кулацкой выходке, подрывающей авторитет полномочного посланца партии и рабочего класса.

Неоднозначно повели себя местные руководители. Заворг Носовского РПК Владимир Яременко, 38-ми лет, категорически отказался брать на себя ответственность за предумышленное разорение крестьянства (вот бы с кого брать пример нынешним

нососким коммунистам!) и призвал всех честных людей к выходу из партии: мол, только таким образом можно заставить ЦК образумиться (что обошлось ему в восемь лет дальних лагерей -- очевидно, только для начала, поскольку в 1937-38 годах еще раз вспомнят всех недобитых). Прокурор Путивльского района Зубков стал собирать от раскулаченных жалобы, квалифицируя происходящее на селе как вопиющее нарушение революционной законности. За покрытие "глітаїв" пошел под суд народный следователь Носовского района Баклан. Председатель Бобровицкого РИКа Сидоров пустил к себе на квартиру семью, разоренную раскулачиванием и предназначенную к высылке. Многие, считая план хлебосдачи экономической авантюрой ("Мы область не хлебная, даже сниженного вдвое плана не выполним, уже на посев не хватает"), фальсифицировали данные об урожайности, составляли фиктивные акты обмолов, всячески занижали показатели или, уклоняясь от подлых обязанностей, попросту запивали. В Носовке председатель Шевченковского сельсовета Мищенко ("сын бывшего кулака" -- не преминула позже уточнить власть) сказал своей помощнице по заготовкам Марии Тригуб: "Як ви можете спокійно дивитися на те, що ми творимо, -- у мене слюзи на очах", -- и отдал Ульяне Ковалевской отобранную у нее ранее одежду. Предколхоза "Боротьба" в с.Лосиновка Зубок, пытаясь придержать в селе зерно, составлял фальшивые отчеты, в ноябре раздал крестьянам 200 центнеров хлеба. Партиец Кошиленко, присланный от обкома председателем колхоза в с.Николаевку Борзнянского района, заметил инструктировавшему его сотруднику РПК: "Товаришу, не трать, мабуть, паперу, бо в мене вовчий настрій". Все это расценивалось как пораженчество, дезертирство, предательство и переход в лагерь классового врага, во многих случаях ведущие к судебной формуле: "Є необхідність фізичного знищення". В с.Николаевка Борзнянского района за утайку хлеба арестовали предколхоза "Веселий ранок" Будюка, предсельсовета Гагуло, предревкомиссии Кривца и даже уполномоченного РПК Некрасовского. В с.Козел арестовали руководителей к-за им.Войкова Тарараку, Агеенку, еще 12 человек. В к-зе им.Революции Путивльского района -- предколхоза Бирюкова, еще 9 человек. В с.Сокиринцы Варвинского р-на -- предревкомиссии Болотняка, еще 5 человек. В с.Сребное того же района -- предколхоза Герасименко и предсельсовета Богача. В с.Ковтуновка Прилукского р-на угодили за решетку предколхоза "Нове життя" Бузай, предсельсовета Авдеенко, предкооперации Загребельский, завхоз Розсовский и другие. Некоторые сельские активисты говорили уполномоченным: "Вы побудете и уедете, а нам с этими людьми жить. Кулак -- трудящийся, его жена и дети тоже есть хотят", -- на что получали ответ: "Ну и пойдете вместе с ним на Соловки как подкулачники!" Газеты запестрели заголовками "Класовий ворог одержує по заслугі", "Ворогів народу покарано", "Зривника покарано", "Ворогам не місце в селі", "Пролетарський суд суворо карає зривників хлібозаготівлі", "Усунуті шкідники соцбудівництва", "Зрадники хлібопоставок несуть суворо кару", "Жодної пощади ворогам трудящих", "Червоний суд", "Жорстоко карати підкуркульників", "Куркульську зграю викрито" и т.д. В самом начале хлебозаготовок исключили из партии 18 уполномоченных РПК (7 из них незамедлительно предали суду), за ноябрь-январь исключили из партии 351 человека, подвергли разного рода репрессиям 81 человека, арестовали 46 человек. Выслали как кулацкий элемент 316 семейств. Кое-где пробовали обойти советскую власть, так сказать, с тыла: мол, организуем у себя коммуну из крепких хозяев, а лодырей-бедняков в нее не пустим. В колхозе "Великий Жовтень" Менского района Кирилл Педь стал членом правления и зав.пасекой, его сын Игнат -- зав.конюшней, сын Федор -- зав.крольчатником, зять Сенюта -- бригадиром, шурином Крох Николай -- старшим конюхом. Не выгорело -- пришлось хлопцам подаваться в бандиты. (По селам пошел ропот: кацапы и жида весь хлеб в Россию и за кордон вывозят. Упуская из виду, что без добровольных помощников на местах никто бы весь хлеб не вывез. А моральная готовность к такой помощи у части наших людей была. Вспомним: сидящий, в той или иной степени, в каждом из нас босяк умиляется, услышав в хорошем хоровом исполнении залихватское: "Ой, там збиралась бідна голота десь там погулять..." Но вот когда "бідна голота", в надежде "пили горілку, пили наливку, ще й мед будем пити", начинает гулять наяву -- по чужим дворам, коморам, карманам -- от романтического очарования нашей родной украинской народной песни не остается и следа, поскольку желанный "мед" мгновенно в кровь превращается...)

Сопротивлялись и "сдатчики". Еще 15 августа к 60-летнему Ошалику Луке Андреевичу из с.Волковцы ("Вовківці", конечно) Роменского района подъехала

бригада заготовителей; очевидно, искали где легче, для разгона. Дед вышел с цепом ("ціпом"), ударил коняку заготовителей, закричал: "Ря-я-ту-у-йте!!!" Сбежали люди: много людей, главным образом женщины. 30-летняя соседка деда Луки Мария Полуян и себе закричала: "Чого стоїте? Рятуйте! Пограбують Ошалика -- тоді за нас візьмуться!" На ее зов прежде других откликнулись братья Лысюки. Один схватил вилы, другой -- топор, стали впереди толпы. Бригада отступила. Предсельсовета начал уговоры, но люди стояли на своем. На следующий день бригада взялась за дело решительней; уже и снопы на подводу свалили, как снова собрались люди, человек 50, впереди Мария и братья Лысюки. Перекинули подводу, хлеб отбили. Зачинщиков, естественно, арестовали. Один из братьев Лысюков скрылся (то ли в городе где-нибудь на ж/д станции чернорабочим пристроился, то ли подался в банду, но более плотный фильтр Великой чистки он вряд ли проскочил). Зачинщики, все неграмотные, виновными себя не признали. 19 декабря выездная сессия облсуда вынесла приговор: Ошалику -- расстрел с конфискацией имущества, Марии -- 6 лет лагерей и 3 года высылки за границы Украины, Лаврину Лысюку -- 4 года лагерей и три года высылки. Само село, "как имеющее командное влияние на другие села", занесли на "Черную доску"; раскулачили 70 хозяйств, 40 из них выселили на Север. Раскулаченные говорили: "Наше господарство знищено холодним вогнем".

В ноябре 1932 года состоялись одно за одними три совещания секретарей РПК. В президиуме члены облоргбюро: Маркитан, Резниченко, Филенко, Голубятников, Рыбников, Двинянинов, Дубинин, завотделами обкома Затучный, Скарбек, Щепановский, Семенов, Дашевский, Гильченко, Яшин, Баскин. "Становище надзвичайно тривожне, -- хорошим украинским языком говорил Маркитан, не предчувствуя, что в будущем это может аукнуться ему расстрельными обвинениями в национализме и контрреволюции. -- Ми отримали шифротелеграму з ЦК ВКП(б), що в зв'язку з недовиконанням хлібозаготівель в Україну припинено завіз краму. Першим такої репресії піддали Північний Кавказ. Нас звинувачують у свідомому чи несвідомому опорі хлібозаготівлям. Необхідно домогтися рішучого зламу, інакше відсутність краму порушить усе наше життя, призведе до посилення репресій, які опісля ми будемо змушені визнати цілком справедливими і законними". Кто-то из секретарей замечает, что бойкот относительно товаров не очень страшен, так как в сельских лавках, кроме нескольких кусков мыла, ничего нет, кое-какой товар есть только в двух районах. Еще кто-то сообщает, что даже в с.Красные Партизаны, которое полностью отвечает своему названию, противятся хлебосдаче, мол, уже есть нечего, муку смешивают с тыквой. Районные руководители еще мыслят слишком мирными категориями. Жалуются на слабый состав парторганизаций. Секретарь Велико-Бубновского РПК Атаманюк говорит: "Треба розігнати половину моєї парторганізації, але ким я тоді буду -- генералом без армії". Нельзя не учитывать и сопротивление. В Дмитровском районе прямо на собрании убили учительницу-активистку. В с.Червоний Колядын дочка твердосдатчика бросилась с вилами на актив; сын с криком "Грабіжники!" полоснул себя ножом в грудь, выскочил на улицу; набежали соседи с палками -- бригада сборщиков вынуждена была удрасть. Секретарь Роменского РПК Пижов отмечает еще существующую кое-где местами боязнь судить председателей -- отказчиков вывозить хлеб ("Боязнь или нежелание?" -- тут же вцепился второй секретарь обкома Резниченко) и пообещал действовать без оппортунизма и гнилого либерализма. Секретарь Борзнянского РПК Чудновский отмечает, что суды приговаривают к солидным срокам, до десяти лет, но крестьян это уже не сильно пугает: "Суду не боїмося, все одно нам туди попадати", -- поэтому сопротивление не ослабевает, особенно на хуторах. Были отмечены и успехи: даже в злосчастной Кучиновке сумели организовать Червону валку (Красный обоз) -- с песнями, гармошкой, но без особого подъема. "Кроме музыки, что еще делаете?" -- мгновенно поинтересовался уполномоченный ЦК с красноречивой фамилией Голод и призвал далее накачать на местах всех, чтобы работали, не прикрываясь революционной законностью, боязнью перегибов и прочими не достойными настоящих коммунистов глупостями.

В совещании 26 ноября, кроме секретарей РПК, прияли участие член Политбюро ЦК КП(б)У, нарком просвещения Скрыпник, секретарь ЦК Зайцев, 37 уполномоченных ЦК и обкома. Тон сразу взяли агрессивный. Маркитан: "Фізично всіх куркулів ми знищити не можемо, але при потребі не зупинимося і перед знищенням. Куркулів необхідно тероризувати. Жодної демократії по відношенню до куркуля бути не може". Зайцев: "В корне изменить ситуацию на Черниговщине -- иного пути для коммунистов нет. Неисправившихся -- на Север. Поставить кулака в такие

условия, чтобы он в безнадежность пришел, чтобы он сам просился в колхоз. План необходимо выполнить к 1 января и никак не позднее 15 января. Арестовывать членов правлений, бухгалтеров, счетоводов". Скрыпник (говорил по-украински, но русскоязычная стенографистка, свою фамилию утаившая, записывает по-своему): "Нужно учиться работать, товарищи! Вот подходят ко мне уполномоченные ЦК, просят съездить домой переменить белье. Не разрешил: они тут месяц сидят, хлеба собрали всего на 11% -- какая может быть поездка в Харьков!" Недоволен он и слабым, нерешительным применением штрафов (сменная стенографистка Лившиц записывает, как надо): "Штрафи дрібні, як воша. Коли я вперше сидів у тюрмі, то кусає -- погано. А посидиш місяців шість і нічого, звикаєш. А штраф дошкуляти повинен. В 1920 році ми розстрілювали сотнями, щоб вплинуло. Ленін радив: знайти таку ланку ланцюга, за яку весь ланцюг витягти можна". Перспектива голода этого образованного, но отравленного утопическими теориями и "классовой" ненавистью (точнее сказать просто ненавистью), 60-летнего человека не пугает: крестьянин все равно припрячет хлеб, главное -- не допустить подпольного помола, исправно взимать мерчук -- вот и все образуется: из фондов мерчука можно будет поддержать голодающих. Такая простота выхода из сложного положения была встречена дружными аплодисментами. Далее, попросив на некоторое время приостановить стенографирование, член Политбюро говорит что-то доверительное про освещение издержек хлебозаготовок в прессе (очевидно, заботился о будущем имидже коммунистов), затем, выявляя свою причастность к наивысшим сферам, оглашает, слегка завуалировав, главнейшую стратегическую цель политики Кремля, заявленную через Исполком Коминтерна (сиречь Всемирной коммунистической партии): "Мирная передышка, товарищи, кончается (была ли у крестьянина когда-нибудь передышка!), подходим к концу периода стабилизации, подходим к новой полосе империалистических войн, пролетарских революций и прочих приятных для коммунистов событий; а кто этого не поймет, тот предатель (странно, что ныне некоторые из патриотически настроенных украинских историков делают из этого человека ангела с крылышками. -- авт.)". И ничто в словах и поведении крупного политического деятеля не указывает на то, что уже в следующем году он, вознесенный на пост заместителя председателя Совета народных комиссаров и председателя Госплана, но обвиненный в национализме, покончит жизнь самоубийством, не дожидаясь, пока его застрелят. Только одно в его высказываниях выглядит излишне мягким: "Я совершенно не сторонник массовых репрессий и повального исключения из партии коммунистов. Нужно разъяснять, доводить до понятия каждого...", -- но поскольку речь только о партийцах, то и воспринимается этот пассаж, как обычная советская демагогия. В остальном речь наркома просвещения дышит привычной острой ненавистью к крестьянину-единоличнику -- "кулаку", "подкулачнику", по партийной терминологии, которого необходимо всячески "брать на цугундер", и общего тона собрания не нарушает.

В это же время в помощь районным властям создаются оперативные отряды из сотрудников ГПУ и милиции -- общий состав небольшой, всего 69 человек, но действенный, наделенный неограниченными полномочиями привлекать к себе кого угодно и сколько угодно. Иначе: "Ты что, гад, против советской власти?!" -- со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Хорошо продумали и снабжение исполнителей важнейшей задачи партии. Райуполномоченные по хлебозаготовкам, введенные в номенклатуру обкома и выведенные из подчинения секретарям РПК, обеспечивались квартирами, получали через ГПУ необходимые товары и питание по нормам снабжения директоров совхозов и МТС, а их помощники через закрытые распределители райактива -- по нормам "двадцатки". Обеспечивались пайками также их семьи. Райактив получал консервы, сахар, сельди, мыло, папиросы, кондитерские изделия, макароны, муку, крупы, подсолнечное масло и промтовары по городским ценам в лучшем (то есть городском) ассортименте из расчета 200 рублей на квартал на каждого работника. Кроме того, постановлением от 1-го ноября ЦК КП(б)У обязал местные власти организовать для райактива подсобные пригородные хозяйства -- небольшие молочные фермы, крольчатники, свинарники и т.д., исходя из местных условий. Это было не благое пожелание; предусматривалось и финансирование: "Считать необходимым на расширение хозяйств райактива ассигновать дополнительно 1 500 000 рублей, из них 500 000 за счет "ВУКООПСОЗА", а 1 000 000 -- из местного бюджета" -- это по Украине. Райактиву Черниговщины досталось 100 000 рублей. (Так что если вам кто-то скажет: "Брехня, в 1933 году я не голодовал!.." -- верьте: он был среди тех, кто действительно не

голодал. А ведь эти-то люди и формируют сегодня общественное мнение о том времени: погибшие молчат...)

Весьма тонко, с уголовной изощренностью, учла мудрая партия еще одно архиважное для нее обстоятельство -- наличие у населения оставшихся от проклятого прошлого золотых монет, крестиков, сережек и прочей драгоценной мелочи, не поддающейся плановому и легкому изъятию. Руководствуясь здоровой мыслью: погибающий от голода человек отдаст за кусок хлеба что угодно, учредили сеть магазинов "Торгсин" ("Торговля с иностранцами"). Огласив (кому надо, конечно, не всем), что его обороты должны занять исключительно важное место в валютном плане страны, в кратчайший срок, без обычной волокиты и излишних формальностей изыскали лучшие магазины и складские помещения в центрах городов, завезли изысканнейшие товары... Позаботились о благополучии работников, проверенных коммунистов. Директоров ввели в номенклатуру обкома; прочих служащих, набранных из числа лучших продавцов-ударников, запретили отвлекать куда бы то ни было -- невыполнение плана приравняли к невыполнению важнейшего партийного задания, разумеется, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, магазины "Торгсин" оградили даже от вмешательства милиции и всесильного ГПУ, справедливо полагая, что обыскивать, изымать, арестовывать можно и в других местах. Конкретно в Чернигове персональную ответственность "за невыполнение заданных планов по мобилизации золота и валютных ресурсов" возложили на второго секретаря обкома Резниченко. Надлежащим образом "накачанные" секретари РПК, прекрасно осознав ближайшие цели, возможности и обязанности, разъехались по местам дислокации спускать с цепи подопечных активистов. На кого они могли опереться в своей деятельности? Для удобства вспомним социальный срез села, яркие типажи, выведенные Шолоховым в его знаменитой "Поднятой целине". Яков Лукич Островнов -- талантливейший, прирожденный хозяин-собственник; "жук навозный"; трусоватый и аккуратный налогоплательщик; долготерпеливый обыватель; рачительный, умелый и перспективный хозяин, против которого и направлены в первую голову мероприятия партии, строящей новую, небывалую жизнь. "Кулаки" -- Гаев, Дамасков, Пояркова знать ничего не желающие кроме личных хозяйств. Майданников -- совестливый, готовый к переменам, но не способный преодолеть в себе чувство хозяина, превратиться в бесправного сельского рабочего. Атаманчуков -- безответственный исполнитель, все понимающий, но готовый ради плана, требуемого начальством, загубить пахотой в дождь доверенных ему быков. Бородин -- воевавший за землю бедняк, мечтающий, готовый и способный превратиться в собственника, чем и вошел в резкое и непримиримое противоречие с властью. Ушаков, Любишкин -- старательные наемные работники, способные хозяйничать только с поводырем, готовые к уравниловке. Щукарь -- одинокий, ущербный, легковесный, никчемный люмпен, по своей безобидности стоящий от всего в стороне, интересующийся только более-менее сносным пропитанием. Это, так сказать, пассивная сила, которую так или иначе нужно подвергнуть преобразующему влиянию: загнать скопом в колхоз, а не мучиться с каждым в отдельности.

А вот и поводыри-преобразователи. Семен Давыдов -- бывший разгульный балтийский матрос, не сумевший за девять лет на заводе заработать себе сносной одежды; неприкаянный холостяк, избранный партией внедрить в хуторскую жизнь заводские порядки. Макар Нагульнов -- абстрактный гуманист, готовый за правое, на его взгляд, дело пустить в распыл всех вокруг; одинокий, страшный, убогий; приложение к нагану, без которого не нужен и он сам. Андрей Разметнов -- нагловатый, легковесный, никчемный "портфельщик", путающийся у всех под ногами и ни на что полезное не пригодный.

Но есть еще Куженковы, Колыбы -- лодыри, лежебоки, пьяницы, вечные перекурщики; иждивенцы, олицетворяющие именно те 20% сельского населения, которые, согласно наблюдениям академика Энгельгардта, а также недавних социологических исследований ВАСХНИЛ, не работают ни при какой системе. При нормальной жизни от них большого вреда нет: при нормальной жизни бывают полезны даже алкаши из-под пивной, когда вам нужно перевезти мебель или выкопать погреб; но во времена социальных потрясений, да еще пригретые властью, они непредсказуемы. Неудивительно, что во времена коллективизации именно среди них черпала партия свой низовой актив. А уж он -- озлобленный, завистливый, жадный -- действовал соответственно.

В южных областях Украины хлебозаготовки, естественно, начались раньше. "В с.Константиновка, -- доносил из Одессы в Политбюро член ЦК Затонский, --

кандидат партии Харитонов запер мужиков в штабе хлебозаготовок, облил керосином кота, поджег и бросил обезумевшее животное в переполненное людьми помещение. После этого собрал женщин-единоличниц и вместе с двумя другими, пока еще беспартийными бригадирами, начал поочередно их насиловать -- "в порядке натурштрафа". Поговаривают об инсценизации расстрелов". Не ударил в грязь лицом и черниговский низовой актив. В первые дни заготовок секретарь Нежинского РПК Вальшев и уполномоченный ЦК Векслер сообщали обкому о замеченных во вверенном районе "перегибах": неправильное применение репрессий, издевательства, элементы явного разложения среди членов партии, незаконное обедание крестьян, массовые применения физического насилия. Один из многих примеров: в селах Комаровке и Ярошевке ночью в участковых штабах по хлебозаготовкам режут кур и едят; селяне тоже режут, что могут, чтобы партийцы не съели. Не брезгают активисты и салом, маслом, медом; прихватывают попутно и мыло, спички, соль.

Словом, актив повел себя весьма вольно -- подобные бандитские набеги даже многострадальное украинское село до сих пор вряд ли испытывало. "Якось воно чудно робиться, -- вздыхала беднячка из с.Каневщина Прилукского р-на Нина Лысенко, -- одні голодні ходять по хатах і вимагають хліб в інших голодних, а їмо таке, що раніше б свині не їли". Ворвутся к одинокому 75-летнему деду и: "Давай вечерять!" Съедят, выпьют, что возможно; деда разуют -- обувь заберут себе; ложки, стаканы, белье, подушки -- безо всякой описи тоже себе; все остальное развалят, поломают, изведут... В семьях более зажиточных уводили и уносили самое ценное: лошадь, корову, свинью, кур, гусей, скрывать (сундук) с приданным дочери, швейную машинку, самовар, детскую одежду... Не препятствовали своему нраву и активисты, вообще к селу никакого отношения не имеющие: так, в Нежине среди бела дня на улице комсомолец Алексей Спилюта в пьяном виде требовал от прохожих деньги и золото, устраивая "трус", то есть шаря по чужим карманам и присваивая себе все понравившееся. Не забудем, что в те героические времена все подобного сорта люди были вооружены -- даже в ДОПРах у арестованных всякие ножи да финки не всегда отнимали.

Больно крестьянину видеть, как идет прахом его добро. В с. Рудовка Прилукского района Екатерина Еременко сказала заготовителям: "Все одно пропадати -- хоч тут, хоч на Соловках. Ви мене хоч до стіни ставте, а хліба я вам не дам, бо нема". То же самое услышали заготовители от хозяек-середнячек Анны Рябоконь, Одарки Радченко, других женщин. Потом подсчитали: заготовителей в селе набралось до 60 человек; за пятидневку заготовили 39 центнеров, а проели центнера три. "Это сколько же они за год съедят?" -- полюбопытствовал в толпе крестьян Григорий Гемба. В с.Ивковцы единоличник Николай Череп тоже прямо сказал: "У колгосп не підемо, хліба теж не дамо. Громить, розкидайте -- все одно при радвладі життя не буде". В с.Мазки колхозники Иван Пашук, Михаил Сытник по-другому подошли: "Забирайте -- не буде чим сіяти. Це вас навчить, як хліб заготовляти". Кое-кто из бедняков, с которых и в лучшие времена взять было нечего, злились: "Тноят кулаки хлеб, а ты еще возись с ними!" -- и злорадствовали, не понимая, что их ожидает. Впрочем, и среди актива единоклассники не было. Комсомольцы с.Яблонька Прилукского р-на Михаил Венгер и Юхим Вовк прямо на кутковом собрании воззвали к сельчанам: "Не здаваймо хліба, бо навесні будемо голодувати. А якщо в одного буде що їсти, то він, може, й зі мною поділиться". Случалось, прятали в ямах, замуровывали под печкой хлеб и секретари партячеек. Некоторые ударялись в пьянство не из врожденной склонности, а от отчаяния: мол, нереально все это... Власти распускали и судили целые бригады заготовщиков, набирали новые. Подобные отклонения от генеральной линии, конечно, общей картины не меняли.

Доведенные до иступления люди постепенно зверели; участились разного рода уголовные проявления, усугубляя у населения чувство незащищенности и злобы. По селам бродили никому не известные, вооруженные наганями и обрезамы люди; становились нормой ночные перестрелки, поджоги, ночные и дневные грабежи, бесконечные покушения на жизнь и имущество граждан. Бежавшие из ДОПРов, высылоч объединялись в группы по 7-9 человек и начинали промышленать уводом коней, коров, свиней, овец, кур, гусей, умудрялись вывозить даже кагаты картошки и по пять стогов сена. Доставалось и активу. Его и раньше не миловали (например, еще в июне-июле налетели на Козерогский сельсовет, в Шестовице убили председателя Халия, также местного жителя Куцого, председательствовавшего в Анисове), а теперь и подавно. В селах Бобровице,

Зайцах, Табаевке убили комсомольцев Чемериса, Мельника и Пинчука, в Брусилове -- райуполномоченного Шубу. В Анисове покусились на жизнь председельского Кошарного и секретаря комсомольской ячейки Лысенко. Ранен уполномоченный РПК, донбасский рабочий Шпирко. В Омеляновке Козелецкого района прострелили голову активистке Макаренко. В Андреевке трое вооруженных, под видом сотрудников ГПУ, отняли обрезы у предколхоза Лавриненко и члена правления Зинченко. На хуторе Манжуриив Слабинского сельсовета четверо в кожанках и с наганями в руках обезоружили, раздели и разули председателя колхоза и сторожа. В Москалях Шибириинского сельсовета убили председателя Пасичного, причем двух милиционеров, выехавших на расследование, но по дороге запивших, пришлось отдать под суд. На разъезде Осняки прицельным выстрелом сняли с буфера поезда Павла Бжолу -- предколхоза из с.Гучин... Прибавилось работы облсуду, уютившемуся в скверном помещении, испытывавшему острую нехватку мебели, (даже стульев), телефонов, бумаги, других канцмелочей.

Официальная жизнь текла на более высоком уровне. Власти позаботились о достойной встрече очередной годовщины Октября. Возникающие там и сям слухи об "амнистии" и прекращении грабежа не подтвердились. Празднично, в сопровождении ударников, покатали на юг тяжело груженные картошкой эшелоны, украшенные кумачом и транспарантами: "Робітникам Донбасу від колгоспників і трудящих-одноосібників Чернігівщини". "Кулацкий" картофель шел без упоминания производителя. Принимай, Родина, бескорыстный подарок! Так сказать, от нашего стола -- вашему столу. Внизу, где очень картошки не хватало, было не столь торжественно. Начальник ОДТООГПУЮЗЖД (неудобоваримые аббревиатуры изобрела советская власть: отделения дорожно-транспортного отдела Объединенного государственного политического управления Юго-Западной железной дороги) Старичков и его уполномоченный Рутман в спецсводке "О подготовке к Октябрьским празднествам" информировали обком о вещах неутешительных: нет продуктов и промтоваров, в потребкооперации полнейшее отсутствие муки; люди четыре дня не получали ни куска хлеба, самовольно бросают работу; не покрыта большая часть задолженности по зарплате, среди транспортников зреет массовое недовольство. На ст.Голубичи вскрыта воровская шайка из 13-ти коммунистов: начальник станции Шкурко, дормастер Кудрик, весовщик Жагловский, другие товарищи воровали, отнимали у пассажиров багаж, спекулировали билетами... О том же сообщал и начальник ОДТООГПУ ст.Конотоп Раков: общая характеристика настроений отрицательная, среди транспортников масса нареканий, созрела почва для антисоветских выступлений. Урезаны нормы хлеба и сахара, в столовых нет круп, макарон, картофеля, только супчик из капусты. Старший стрелочник ст.Ворожба Кузьма Москаленко публично заявил: "Коммунисты на словах чужим горбом строят социализм, но при такой жизни их стройка скоро кончится". Инструктор ФЗУ Кирилл Компаниец призвал к забастовке, но тщетно...

9-го ноября Маркитан в своих телеграфных обращениях к секретарям РПК констатирует "позорный провал на фронте хлебозаготовок", призывает "исполнить свой долг перед рабочим классом и Красной Армией", на следующий день просто напоминает о печальной судьбе подвергшейся торговой обструкции Кубани: "Аналогичное положение у нас вызывает законную тревогу за возможность применения этих мер к Черниговской области. Заготовки следует закончить к 10-му декабря". В соответствии с постановлением ЦК КП(б)У и СНК УССР от 18.11.1932г. "Об усилении хлебозаготовок в единоличном секторе", в села продолжают прибывать бригады, состоящие из городских коммунистов, передовых рабочих, работников просвещения, профактивистов, студентов, комсомольцев и комсомолок, военнослужащих из числа политотдельцев -- без права отлучаться из села без особого разрешения секретаря РПК. Волонтеры контролируют правления колхозов, сельсоветы, местные партячейки или идут под суд за нерасторопность. За обнаружение ям, прочих тайников получают премии тем же зерном. Хочешь жить -- умей вертеться.

В с.Городище Березнянского р-на придумали способ: выстроили на улице отдельно колхозников, контрактантов-сдатчиков (то есть обложенных твердым налогом единоличников, которые с заданием справились) и единоличников-несдатчиков. На последних навели фотоаппарат -- они разбежались, понимая, чем подобный снимок опасен. "Били больше на чувство, -- хвастал позже в обкоме райуполномоченный Матвеев. -- Фотоаппарат был незаряженный: где сейчас пленку возьмешь!..." Но это была, так сказать, местная инициатива, социалистическое творчество масс, в остальном надлежало следовать инструкциям вышестоящих органов.

Во-первых, под угрозой отнятия усадьбы и изгнания из села всех обязали по вечерам посещать кутковые собрания, проводимые ежедневно (или через день, не реже) и получившие у селян названия "щекотаний" ("Куди, Іване, йдеш?" -- "Та на куток лоскотатися...") Во-вторых, действовала жесткая инструкция по занесению колхозов, а то и целых сел на так называемую "Черную доску". В таких случаях колхоз лишали названия (одним из первых такой участи 12 декабря подвергли к-з "Большевик" в с.Степные Хутора Носовского района). К сельской лавке подъезжала машина, демонстративно грузила весь наличный товар и увозила в район. Местное население, вдруг и разом лишенное возможности приобрести самое необходимое: соль, спички, мыло, керосин, иголки, нитки, одежду, обувь, отбрасывалось как бы в каменный, допромышленный век. Хотя во всех селах практически давно никаких товаров не было (кое-что давали только хозяйствам, производящим пеньку), все же подобная репрессия производила на людей тягчайшее впечатление; внутренняя сопротивляемость хлебосдаче росла, но в закрома пока текло зерно, добываемое неотделимыми от коммунистов силовыми методами. Черниговщина в этом смысле неожиданно отличилась. Кому-то из председателей колхозов стрельнуло в голову прижать своих несдатчиков местным бойкотом; их-то он и раньше разорял: усадьбы лишал, из села выгонял прятаться где-нибудь в болотах, но "ученое" слово давало этому совсем другую окраску. Сначала райкому, потом обкому тоже понравился термин "местный бойкот". Решили поднять его на более высокую ступень. С хозяйством, подданным местному бойкоту, расторгала договор МТС -- оно лишалось возможности получить трактор, сеялку, веялку (о запчастях к ним и мечтать не приходилось, наоборот, можно было лишиться уже имеющегося). В первую очередь, вывезли товары из четырех наиболее отстающих южных районов -- Прилукского, Роменского, Бобровицкого и Велико-Бубновского. В начале ноября на "Черную доску" угодили 13 колхозов и 38 сел, к числу бойкотируемых отнесли 20 колхозов и 67 сел. Вскоре только по 20-ти районам цифры выглядели так: на "Черной доске" -- 71 село, 19 колхозов, 2851 единоличник; "черниговской форме" бойкота подвергнуты 113 сел, 163 колхоза, 2038 единоличников. Понимая, что речь идет об очевидном социалистическом достижении, Маркитан не преминул сообщить обо всем в Политбюро. Генеральному секретарю Станиславу Косиору информационная записка о "новой группе репрессий" настолько понравилась, что он 27 ноября рекомендовал разослать ее всем обкомам, как стоящее внимания новшество. На сообщение же Маркитана о взбунтовавшемся против политики партии заворге Носовского РПК последовал начальственный окрик: "Исключенного вами из партии Яременка как изменника необходимо немедленно арестовать и судить". Было указано и на недопустимость "левацких загибов" -- раскулачиваний бедняков, семей красноармейцев, рабочих, сопровождающихся избиениями, самым грубым произволом, хищением имущества; также самого грубого применения штрафов, часто без санкции обкома.

Казалось, все идет хорошо: не ведающий сомнений актив рвет и мечет, по дорогам области под гармошку, песни и танцы движутся "червоні валки" (даже соответственно натасканные пионеры требуют от родителей сдачи хлеба); некоторые по-большевистски горячие головы уверяют, что к концу года задание партии будет с честью выполнено, все-таки одолевают сомнения украинских товарищей. 18 ноября сам Косиор своей властью решил придержать в Украине хотя бы семенной фонд, но старший Генсек в Кремле ошетинил усы, и младший -- лысый и без усов -- тут же стушевался. Более того, 30 декабря, то есть в канун нового года, было принято решение лишить Украину завоза каких-либо коммерческих товаров -- уже не отдельные колхозы, села, районы, а вся республика погрузилась в средневековье. Маркитан предпринимал попытки ослабить заготовительную удавку на шее области. В своей "Политической характеристике области", адресованной в оба ЦК, он писал:

"Основные характеристики области таковы: территория -- 42700 кв. км; общее количество населения -- 2971 тыс. человек, из них работающих по найму -- 177 тыс. человек (6%), индустриальная группа рабочих равна 43 тыс. человек (1,4%), причем в Шостенском и Конотопском районах около половины этой группы (20 тыс. человек) составляют "сахарники" -- сезонные рабочие, преимущественно крестьяне. В области преобладает единоличный сектор. (Рисковал головой тов.Маркитан, упуская из виду, что первейшая задача партии именно этот сектор любой ценой уничтожить. -- авт.). Сельское хозяйство чрезвычайно отсталое: занимая 8,5% пахотной земли всей Украины, 8,4% в посевных площадях 1932-33гг., область имеет всего 3,8% тракторного парка Украины, 2,5% автомашин (то

есть 1300 тракторов и 110 машин, значительная часть которых требует среднего и капитального ремонта), молотарок механической тяги -- 920 штук, двигателей к ним -- 831, лобогреек -- 456, сенокосилок -- 425, сноповязалок -- 93. Уборка ведется преимущественно серпом, косой, молотят цепями. Чрезвычайно отстала Черниговщина в культурном отношении: в области всего 180 сельских врачей (кое-где один на весь район, в 16-ти районах вообще ни одного санитарного врача), ни одной дезинфекционной станции, в пяти районах отсутствуют даже дезкамеры. По среднеукраинским данным один школьно-санитарный врач приходится на 26 тыс. учащихся, а в Черниговской области -- на 46 тыс. учащихся. Колхозные дети по всей Украине охвачены яслями на 4,5%, а Черниговщина -- всего на 1%".

Жаловался Маркитан и на чисто организационные трудности: мол, очень жиденькая в области партийная сеть, опереться не на кого -- на 1 января 1933 г. всего 20 244 члена и кандидата партии, из них в самом важном -- сельскохозяйственном секторе -- 6 191, главным образом недавно поступившие всякого рода "разложившиеся" и корыстолюбцы. Очень сильное влияние членов бывших мелкобуржуазных партий -- меньшевиков, эсеров, еврейских националистов, анархистов, монархистов -- членов Союза русского народа, гетманцев, петлюровцев, деникинцев, махновцев. В области преобладают хутора и кулацкие двory. Значительная часть красных партизан переросла в кулаков и перешла в ряды недовольных. Не стоит сбрасывать со счета и то, что до недавнего времени некоторые районы области являлись местом ссылки всякого рода уголовников...

Явно проскальзывающая в тексте Маркитана просьба о снисхождении никого не убедила. Благодетельная, взбадривающая, мобилизующая на разные новые свершения, жесткая позиция обоих ЦК толкнула его на попятную. Вскоре он уже рапортовал об успехах -- без тени стыдного и не достойного коммуниста "пораженства" и "гнилого либерализма": "Правильный и беспощадно-решительный нажим ЦК способствовал тому, что во время хлебозаготовок со второй половины ноября произошел решительный перелом: если за первую декаду заготовлено 2655 тонн, то 4-я пятидневка дала уже 3210 тонн, 5-я -- 6291 тонну, 6-я -- 7094 тонны; итого, за ноябрь собрано 21 626 тонн, а за декабрь -- 29 921 тонну". С 10 декабря усилились морозы, посыпался снежок, установился легкий санный путь; "выкачка" хлеба, особенно из глубинки, усилилась. На 1 февраля 1933 года план выполнили на 90%, по совхозам -- на 98%, по мерчуку -- на 40,5%, по семсуде -- на 99,2%.

Казалось, хлеба в области уже совсем нет, но... По-прежнему рыскающий по Черниговщине член ЦК Зайцева доносил Косиору:

"Внешнее благосостояние районов доказывает безобразное положение с выполнением плана хлебозаготовок, оппортунистическое нытье о "нереальности" плана и ожидание новых снижек, хотя план по Черниговской области, учитывая ее возможности, не особенно напряженный. Районы Черниговской области развращены скидкой -- большинство имели ее два раза. Как нигде, засоренность колхозов кулацким, контрреволюционным элементом, отсюда жалобы: мол, не собрали урожая даже на посевной фонд. В с.Белоголицкое Путивльского района председатель к-за им. 25-летия Октября Тверетинов отвечал мне иронически-издевательски: "Какой урожай? Надо посмотреть в книгах. Я университетов не кончал: я неученый, я полоумный". -- "Когда сдадите хлеб государству?" -- "Если сдадим, весной сеять не будем". -- "Нет, сдадите и для посева найдете!" Тверетинов (с особой злобой): "Вы же не сеете, почему мы для вас сеять должны?" -- "Да вы, в лучшем случае, агент кулака!" Выяснилось: активно воевал за советскую власть, плотник, бедняк, партизан, а я его считаю подкулачником. Финал разговора: пыл у "партизана" совсем пропал, стоял и плакал, обещая, что план выполнит за полтора дня. Председателя я все-таки приказал арестовать. В этом селе 5 ноября убили выстрелом через окно члена сельсовета, активиста. Население уклонилось высказать свои подозрения на убийцу. Вероятно, один из десяти партизан села. А из с.Вшивое (есть такое) ездили в Путивль ходатайствовать всем миром за двух арестованных коммунистов -- мол, они за людей стояли. Таких ходатайств по области немало. Колхозный сектор, безусловно, выполнит план в ближайшее время, но необходимо нажать репрессиями экономического характера: штрафовать "мясом", то есть отнимать у несдатчиков коров, свиней, прочую домашнюю живность".

Особенно не понравился Зайцеву, идеалом которого, очевидно, была выжженная пустыня, Бобровицкий район, в частности с.Браница -- повстанческий очаг, не

подчинявшийся советской власти практически до 1926 года. "В селе 1118 хозяйств, -- сетовал секретарь ЦК, -- а в колхозе всего 128, и таких сел в районе до десяти. Даже партийцы с билетом тут не большевики: заместитель председателя РИКа держит собственное хозяйство, председатель райсоюза прохвост и спекулянт". Были, разумеется, и светлые стороны: "Но есть и актив: работают суточно, валяются на лавках без снабжения, кое-кто завшивел". После таких посещений в помощь завшивевшим активистам бросали опергруппу ГПУ, изымали все, ничего наперед не просчитывая. В полном соответствии с еще одним изречением члена Политбюро Скрыпника, высказанном на областном совещании: "Є три роди брехні: брехня звичайна, брехня ганебна і статистика". Цифрам большевики верили только своим (директивным), вражеским (куркульским) -- нет.

Негодует и уполномоченный ЦК Степановский:

" На Черниговщине кулака еще не били. Наоборот: в с.Червоный Колядын избili целую бригаду. Настроение партийцев не гарантирует выполнение плана. Во многих случаях я встречал раскулаченных в своих хатах. Даже если хата продана, семья кулака там живет. Продажа -- фикция. Подставной селянин или родич покупает и оставляет там репрессированного. Процветает тайный помол. Мелют ночами на жерновах, самодельных мельницах, экономя мерчук..." Тезис о "еще небитом кулаке" оспаривает ГПУ. Его отчеты выглядят бодрее. За ноябрь-декабрь по 20-ти районам ликвидированы 36 контрреволюционных повстанческих организаций и групп, охвативших своей деятельностью 174 населенных пункта; выявлены 1098 человек, арестованы 622. Применены следующие судебные и административные репрессии по отношению к злым негодякам: осуждены 5437 человек, по облсуду -- 225, из них 73 -- к расстрелу. Широко применяются штрафы деньгами, мясом, картофелем. После показательных судов, выносящих расстрельные приговоры, активность сдачи хлеба возрастает. Выселили 316 семейств -- без эксцессов, в намеченные сроки; более того, подходили соседи и просили включить их в список. После выселения единоличник отрезвляется, угар кулацкой агитации идет на убыль, повышается вступаемость в колхозы. Из Невклянского сельсовета Городнянского района, например, из 60 хозяйств высланы 30 семейств. Идут на убыль и теракты: в ноябре -- 31, в декабре -- 16, в январе -- 1 (возможно, морозы и общая истощенность сыграли свою роль). А вообще, настроение подавленное, люди бегут из сел, многие вступают в колхоз для отмазки -- сам вступил, а семья по-прежнему блюдет свое хозяйство...

Обком, меряя по-своему, тоже оставался недоволен: за ноябрь-январь принято в колхозы 27 672 человека, или 5,1% новых хозяйств. Всего на 20 января коллективизировано 61,7% хозяйств, что чрезвычайно мало, ведь цель -- сплошная коллективизация.

Воодушевляло на взятие новых рубежей разосланное обкомам под грифом "Совершенно секретно. Не для печати", подписанное Сталиным и Молотовым постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 года, призывающее не смущаться и не останавливаться перед применением высшей меры наказания -- особенно на Украине и Северном Кавказе, санкционирующее выселение целых сел из указанных территорий в северные области, также приостанавливающее на Северном Кавказе какую-либо украинизацию -- прежде всего, путем всеобщего перевода школьного преподавания и делопроизводства исключительно на братский русский язык. Как всегда, чрезвычайно своевременным и по-большевистски мудрым было решение: в местах заключения скопилось столько народа, что для приема новых арестантов возникла острая необходимость разгрузить площади, разумеется, через расстрел (до половинчатых, "гнилых", либеральных мер большевики не снисходили).

Не так споро, как хотелось, но плыл, плыл хлеб в государственные закрома. Не без недочетов, конечно. Омрачало картину бездорожье, в теплое время -- гибельность, разбитых грунтовых дорог, отсутствие брезентов, мешкотары, достаточного количества весов... Некоторые сельсоветы должны были тащиться по бездорожью до сыпного пункта на расстоянии до 40-50 км, где сдатчиков ждала длинная очередь часа на три, ругань и прицепки приемщиков. Так, по Черниговскому району 43 сельсовета были отдалены от сыпных пунктов на 40 км, а некоторые сельсоветы Олишевского района находились от сыпных пунктов на расстоянии 57 км. Из-за отсутствия мешкотары, а также ящиков (зерновых закромов в виде ящика с носилками) приходилось прибегать к бестарной перевозке -- грузить и разгружать ведром. Дело осложнялось тем, что семенные,

пищевые и фуражные фонды должны были ссыпаться в отдельные зернохранилища. Значительная часть зерна "хранилась" под открытым небом -- часть возвращали как некондиционное для просушки и провеивания. Райуполномоченные Комитета заготовок, назначаемые Москвой и никак не подотчетные местной власти, нервничали, хватались за нагапы. В городах, на железнодорожных станциях, у рабочих и служащих транспортников стали обнаруживать тайные склады. Поскольку хлебный поток вроде действительно иссякал (как ни странно!), в декабре -- решающий месяц! -- сделали упор на переобмолот и провеивание. Поскольку для некоторых несдатчиков зерно заменили мясом и картофелем, на убой пошел молодежь. Некоторые секретари РПК оказываются не на высоте положения, и Маркитан просит ЦК прислать ему пять новых на места несправляющихся. За 4-ю пятидневку за срыв хлебозаготовок расстреляли 9 человек, из них -- двух коммунистов.

Махровым цветом расцвела спекуляция -- кого-то спасая, кого-то изводя со света. Настойчивыми и решительными спецоперациями (особо массовая и заметная в Чернигове -- 10 декабря) ГПУ и милиция изымали на базарах хлеб, муку, зерно, масличные семена, фураж, крупы, картофель, сало... Изгнанное из людных мест зло переместилось в разного рода темные углы и закутки. У жителя с.Халявино, торговавшего в Чернигове, изъяли перепрятываемые в чужих квартирах, погребах, на чердаках около 80 пудов зерна, 300 пудов картофеля, пуд сала. Привлек внимание властей особо выдающийся случай в с.Сыромятники Путивльского района, где у единоличника Бровкина вместе с хлебом изъяли наган, винтовку с патронами, золотые часы, кольца, слитки серебра, серебряную ризу, другие ценности (свидетельствующие, заметим от себя, об очевидном систематическом, целенаправленном грабеже "классовых врагов" и церкви). Первый беглый допрос и дальнейшее расследование установили, что единоличник, по существу, не более чем укрыватель: все имущество принадлежало его сыну -- давнему борцу за советскую власть, бывшему предРИКа в Путивле, нынешнему члену облсуда в г.Рельске. Узнав о случившемся, выдающийся сын прибыл выручать отца и тяжким трудом нажитое имущество, грозил председателям колхоза и сельсовета изгнанием из партии, высылкой на Соловки, прочими карами, но сам угодил туда, куда до сих пор только других отправлял (еще одно свидетельство о безнадежности, обреченности дела великой партии: сколько и как не бесчинствуй, сколько и как не переворачивай все с ног на голову, а с обычными человеческими ценностями приходится для вида считаться -- ведь не всегда выдашь воровство и грабеж за правое дело).

Резко ухудшилось положение в райцентрах. Еще с августа до конца года урезали паек учительских семей, давали и медикам жалкий паек, никак не учитывающий неработающих членов семей. В преддверии нового года, 27 декабря интеллигентные, еще не забывшие своей национальности технические работники Козелецкого РИКа подали начальству вежливое, сдержанное, но преисполненное отчаяния заявление:

"Зараз ми не маємо будь-якої можливості достати хліба на приватному ринкові; ціни на всі інші продукти широкого споживання, які б до деякої міри могли замінити хліб, за останній час настільки зросли, що за місячне утримання ми можемо існувати декілька днів.

Не одержуючи будь-якого пайка, ми, звичайно, не можемо надалі працювати нормально.

Отже просимо видати нам, хоча б одноразово, борошна, аби ми змогли дожити до початку колгоспної торгівлі, коли ми зможемо купити хліба по більш-менш доступних для нас цінах".

Крестьянам просить было некого -- кто-то отдавал себя воле Божьей, кто-то искал любого выхода, кто-то мстил. 23 декабря в с.Кучиновка Сновского района в штабе по хлебозаготовкам, на одном из участков, ранили зам. председателя сельсовета Семенова. "Стреляют, как правило, через окно, с единого раза, без промаха", -- отмечало ГПУ (с крестьянской основательностью, уточнили бы стреляющие). В области за двадцать дней декабря совершено 48 терактов, 9 из которых неудачно, убито 18 чел., ранено 21 чел., арестовано 130 чел., расстреляно 26 чел. По-прежнему там и сям горели постройки, конюшни, клуны -- за год 69 поджогов. Во всех звеньях общества усиливался беспорядок. Но был в стране дьявольски трудоспособный человек, который обо всем и за всех думал... Неизвестно, как и вообще встречал ли новый 1933 год тов. Сталин, но 1 января он начал с неусыпной заботы о трудовом крестьянстве: за одной своей подписью (Молотов, возможно, отсыпался) отправил в низы постановление ЦК ВКП(б),

обязывающее обкомы и райкомы широко оповестить через колхозы и сельсоветы (но не через печать и радио, а тайком, по связи ОБС -- одна баба сказала, а другая слышала): всякий, кто добровольно сдаст ранее похищенный (у себя же) и припрятанный хлеб, наказан не будет. На следующий день секретарь ЦК(б)У Хатаевич и председатель СНК УССР Чубарь это постановление продублировали, заодно предложив секретарям обкомов и РПК сделать надлежащие выводы из предсмертных записок в правление колхоза и непосредственно товарищам по работе вышибленного из колхоза ветеринарного фельдшера колхоза им.Петровского Первомайского района на Одещине Михайленка: "Прощайте, дорогие товарищи! Я умираю -- крепите сельское хозяйство. Я был честным колхозником. Но раз ошибочно карает рука пролетариата -- такая судьба моя. Но умирая, верю в социализм, ибо социализм -- справедливый путь жизни и Вам, товарищи, рекомендую и прошу стойко бороться за рабочее дело" и "Товарищи! Хотя вы вышибли меня из своих рядов, но прошу похороните меня, не гнушайтесь. Я вышиблен из ваших рядов ошибочно. Примите семью мою в колхоз, а меня похороните по колхозному обряду". Агитмассотдел ЦК ЦК(б)У тоже рекомендовал произвести "вокруг этого самоубийства надлежащую агитмассработу". Было очевидно, что советский труженик вне колхоза уже не жилец и что нет предела достижениям большевиков.

Какое-либо другое мнение никто просто и слушать не хотел. Когда 7 января на областном совещании секретарей РПК, начальников политотделов МТС и совхозов секретарь РПК Кудрявцев начал: "Я постараюсь показать не только положительные стороны, но и недостатки, которые у нас имеются", -- поднялся такой шум и возмущение, что старательная стенографистка Шварцман была вынуждена заметить в протоколе: "Оратора почти не слышно, невозможно записывать". Естественно, резолюция совещания гласила: "Нарада висловлює впевненість, що більшовики Чернігівщини, кричево з'єднавшись навколо лєнінського ЦК та вождя світового пролетаріату тов. Сталіна, під проводом Облоргбюро мобілізують всі свої сили на реалізацію ухвал Пленуму ЦК і ЦК КП(б)У на успішне виконання чергових завдань і прийдуть до партійних з'їздів з новими перемогами у боротьбі за більшовицькі колгоспи і заможних колгоспників, за передову колективізовану культурну Чернігівщину".

Не оставляли обком без своих полезных советов и другие высокопоставленные товарищи. 22 января секретарь ЦК КП(б)У Хатаевич на 14-ти машинописных листах упрекнул Маркитана в отсутствии должной боевой упорной работы по укреплению колхозов и борьбы с кулаком, призвал с особой энергией немедленно развернуть борьбу за сохранность посевных фондов, добиваться преобладания колхозного сектора над единоличным; сообщил: "Основной тягловой силой в посевной кампании по вашей области будет лошадь" (похоже, стала корова); указал на необходимость обеспечить вывозку на поля навоза в оставшиеся зимние месяцы; наконец, порекомендовал предупредить всех: за невыход на работу (колхоз -- дело добровольное) последует лишение колхозника приусадебного участка. Маркитан просит Хатаевича, Косиора, также Москву возобновить завоз товара в область, но рано просит... Политбюро присылает (нельзя, конечно, утверждать, что взамен, -- нет, просто в силу установившейся практики) послание члена ЦК Затонского из Одессы -- надо признать, весьма интересное, даже сейчас -- для постижения характера вождей:

"На Одещине побывали Молотов, Каганович, Косиор, Хатаевич. Положение для нас тяжелое, для саботажников хлебозаготовок легкое. Уполномоченные бездельничают, собачий холод и ветер -- отлынивать от работы в самый раз. Партуполномоченные и ГПУ тычутся как слепые котята, сбиваясь на огульные репрессии. Действуют энергично, но вслепую. Напрасно Балицкий бахвалится успехами: ГПУ остается с хорошим настроением, а мужик -- с хлебом. Чуть что: "Усі крали, всі брали" -- крайнего не найдешь... Можно с уважаемыми колхозниками и "поговорить": мол, все знаем, вытаскивайте хлеб, мы готовы помочь вам смыть позорное пятно. Никто, понятно, не будет убежден этим, так как самые жестокие репрессии не поколеблют мужика, но арестовать, прижать, отнять корову... Хорошо бы подготовить кого-либо, чтобы сам публично признался и "добровольно" сдал. Разбить стену круговой поруки, чтобы хотя трещина появилась для начала, создать неуверенность в своей безопасности, боязнь, что выдадут, опасение, что большевики все знают. Вовсе не обязательно, чтобы каждый, сдавая зерно, каялся и клеймил себя вором. Пусть сдадут под видом огородного посева, возвращения аванса (хотя авансировали мукой) -- это нельзя прокламировать, но намекнуть можно. В с.Широкое на

Запорожье, например, после проработки, когда увидели, что деваться некуда, принесли "неизвестно от кого" в общий амбар 450 центнеров за ночь (ровно столько, чтобы покончить план). Правда, это колхоз немецкий -- народ аккуратный, даже ворованному точный учет вели, и организовано возвращали -- тайком, чтобы ворами не считали. Но и с украинцами можно совладать. Распорядились с Майоровым (секретарем Одесского обкома -- В.Ш.): выбрасывающих хлеб в реку, колодец, овраг -- расстреливались. Метет так, что даже на лошадях в село пробиться трудно. В г.Зиновьевске один отчаявшийся уполномоченный зарезался ножом..."

Живописует Затонский и выселение крестьян на Север, когда никто не огорчился, не дезертировал, наоборот, шли весело, с гармошкой, были случаи и "добровольчества" (любил кавычки член ЦК -- будущий нарком провещения УССР, вместо Скрыпника) -- когда подходили соседи и просили конвой включить их в партию переселенцев.

"Это, несомненно, одно из достижений пятилетки, -- заключает видный деятель, на этот раз почему-то без кавычек, -- нет безработицы, везде нужны рабочие руки; мужика, вставшего корнями в землю, сейчас не узнать, но лучше бы он не так быстро "переплавлялся" и эмансипировался от земли -- легче бы хлеб взять было. Сейчас и ДОПР не пугает, высылки тоже не страшится, более или менее корову жалеет и свинью, когда отнимают, но в общем-то трудно пронять. Даже хорошие большевики как будто выдохлись -- думают больше о себе. Письменных указаний не воспринимают -- пока еще можно взбодрить личным воздействием".

Черниговская верхушка, впитывая полезные советы, старалась как могла, но угодить высшему начальству было непросто (точка отсчета у коммунистов очень шаткая: выполняешь все указания, считая это доблестью и добродетелью -- вдруг ткнут тебя носом в какой-нибудь христианский пункт, и ты уже неисправимый преступник, против чего возразить совершенно нечего). В самом начале 1933 года грянула взбучка -- постановление ЦК КП(б)У "О неправильных мероприятиях по коллективизации в Черниговской области". "Неправильными мероприятиями" в деле коллективизации Черниговщина, конечно, грешила не больше других, но ради все той же витринной благопристойности надо было кому-то указать, вот и избрали самую безобидную, "некомандную" область. Указывалось, что члены облбюро увлеклись в последнее время ("чрезмерно увлеклись!") количественными показателями, то есть загоняли в колхоз любыми путями, что "на деле нанесло ущерб делу хлебозаготовок". Бедняков и середняков вовлекать в колхоз, конечно, надо, но только при условии обязательного и полного выполнения ими плана хлебосдачи, картофелезаготовки, внесения причитающегося колхозу посевматериала -- словом, пожурили за чрезмерный либерализм. Единоличников, принятых в колхоз с нарушением этого принципа, следовало считать незаконно принятыми, то есть изгнать, ничего из их уже обобществленного имущества не отдавая. Была выдвинута претензия и к ГПУ: мол, увлеклись, передали в судебно-следственные организации чрезмерное множество дел о преступлениях членов партии. Обязали создать авторитетную комиссию в составе секретаря обкома, председателя областной Контрольной комиссии, облпрокурора, начальника ГПУ и до 15 января просмотреть все дела, прошедшие хоть нарсуд, хоть облсуд. Задача: установить соответствие приговора политическому значению дела -- возможно, и судили-то верных партии людей за сущие пустяки. Не исключено ведь, что именно из их состава можно подобрать для укрепления основной группы районных работников требуемые 30 человек... Партию, как обычно, на всех уровнях заедала текучка: завсектором парткадров ЦК КП(б)У Вайсберг не знал, где набраться уполномоченных ЦК для областей, обкомы затруднялись с подбором райуполномоченных, районам было непросто с низовыми работниками...

Бесконечно и на всех уровнях прорабатывалась речь Сталина "О работе в деревне", постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1933 года, констатирующее весьма опасную для республиканского руководства ситуацию: "Парторганизации Украины не справились с возложенными на них партзаданиями в деле организации хлебозаготовок и выполнения плана хлебосдачи (стиль! -- авт.), несмотря на трехкратное сокращение и без того уменьшенного плана". Украинское ЦК и себе констатировало "надзвичайно ганебний провал хлібозаготівель по одноосібному сектору в Харківській, Чернігівській та інших областях". Следовали оргвыводы. Харьковский секретарь Терехов "слетел" с должности. Маркитан пока держался. Все радовались, что Москва укрепила республиканское руководство, прислав на Украину крепких товарищей Постышева, Хатаевича и Вегера.

Маркитан жалуется Постышеву: области разрешили оставить все заготовленное с 1 февраля зерно для распределения в виде помощи по наиболее голодающим районам, но Всеукраинская контора "Заготзерно" аннулировала наряды на 518 тонн; обращает внимание руководства на то, что в области значительны площади технических культур, удельный вес которых к всеукраинской площади равняется: по конопле -- 50%, по льну -- 17%, по картошке -- тоже 17%, по махорке -- 58%, а в области только 55 льнотеребилок, механизация процессов обработки вышеозначенных культур еще и не начиналась; просит увеличить дотационные ассигнования к бюджету области, на что Наркомфин отвечает: наоборот, из вашего бюджета планируется изъятие -- до 8 млн. рублей... Почувствовали себя стесненными в рамках утвержденного партийного бюджета и парткомитеты разных уровней. Правда, им было легче найти выход: стали требовать средства на свои нужды от различных хозяйств, организаций, учреждений. Со временем процесс зашел так далеко, что 25 августа Политбюро было вынуждено принять специальное постановление для прекращения этого безобразия: мол, по одежке протягивайте ножки, дорогие товарищи! А зачем их протягивать, если есть возможность не протягивать.

Секретная часть ЦК ВКП(б) рассылала инструкции: как следует понимать и популяризировать речи Сталина; директивы ЦК КП(б)У дышали военной терминологией. Всемерно крепить трудовую дисциплину. Произвести полную мобилизацию (!) семенного фонда. Уделить должное внимание подготовке живой тягловой силы, развернуть борьбу за крепкого колхозного коня (нет бы того коня просто накормить). Указывалось: хлебозаготовки вскрыли новые маневры и контрреволюционный саботаж классового врага, состоящий в подрыве трудовой дисциплины, распродаже зерна, колхозного и совхозного имущества, порче инвентаря, уничтожении скота, засоренности полей и т.д. и т.п. Открывались глаза местным руководителям еще на одну страшную опасность, которую они сами по врожденной близорукости могли не заметить: кулацкие элементы, используя политическую близорукость отдельных (!) парторганизаций и помощь некоторых коммунистов, проникли в колхозы, засели в правлениях, прибрали к своим рукам счетоводство, кладовые, весы и совместно с буржуазными перерожденцами -- изменниками партии и прямыми классовыми врагами, пролезавшими в ряды партии... (если вся эта компартбарабанщина не вызвала в читателе чувство гадливости и отвращения, значит, это очень крепкий товарищ) -- короче, каждому опасный ярлык находился...

Идеологическими наставлениями дело, конечно, не ограничилось. Поскольку впереди маячил неотвратимый и неизбежный сев, ЦК "укрепил" область полсотней никогда ничего не производивших дармоедов -- уполномоченными ЦК и СНК: частично -- хорошо проявившими себя и оставшимися после хлебозаготовок (так сказать, ударники грабежа), частично -- прибывшими с других мест со свежими силами товарищами. Впрочем, требовательный член ЦК Зайцев и от этих избранных был не в восторге: "Уполномоченные ЦК в районах -- плохие руководители. В Черниговскую область направлены последки -- крепкого народа наберется человек пять, остальные -- дрянь".

Но как уберечься крестьянину хотя бы от этой дряни? Некоторые простодушно накрывали хаты необмолоченными снопами (хитрость, конечно, обнаруживали и сдирали снопы вместе с крышей); хлеб прятали в ямах на огороде, в саду, под печами, в двойных крышах, стенах и пристенках, под уборными, замуровывали под печкой... Встречали заготовителей с вилами и топором. Но даже полнейшее выполнение плана не гарантировало от претензий. Когда Мало-Девичкий р-н как-то исхитрился справиться с общим заданием (при невыполнении плана отдельными единоличниками), Маркитан одернул приславших победную реляцию руководителей: продолжайте изымать!

Хлеб надо было изъять весь. Актив смотрел: раз не умер -- значит что-то ест. Натравливали уже совсем голодных бедняков на несдатчиков (мол, чем он лучше тебя?..), подсылали комсомольцев шпионить, подглядывать. Уполномоченный ЦК по Прилукскому р-ну Яковлев (интересно, к какому сорту отнес его Зайцев) прославился тем, что изобрел свежий метод борьбы с классовым врагом: ранним утречком рассылался с активом по селу и следил из-за плетня, когда дядько к ветру выйдет. Потом исследовал испражнения, если таковые, конечно были: ел дядько или перебивался гарбузом? Вывод чаще всего был неутешителен. Но не зря партия учит, что враг хитер и коварен: создает с контрреволюционной целью картину мнимого голода, морит себя и семью, чтобы утаить хлеб от

уполномоченных -- ведь не сдох же! Следовательно, никакой пощады классовому врагу!

И действительно -- пощады крестьянину не было. В своих отчетах обкому председатель облсуда Гарин констатировал: избиения, издевательства, прикармливание вещей, присвоение скота, птицы для себя и своих родственников на пропой стало явлением массовым. Действовали, как правило, с пролетарской прямоотой, без излишних ухищрений, но, видно, и не без любви к искусству. Уполномоченный Бобровицкого РПК Корбут, постоянно пьяный, бесосновательно арестовывал всех, кого считал середняком, запугивал, запирали на ночь в холодный сарай, избивали, изъятое имущество присваивали. Однажды запер в сарай беременную женщину. Когда у нее от пережитого начались преждевременные схватки, крестьяне выломали доски и ее выпустили. В ту же ночь женщина родила.

В Репках бригада заготовителей из 3-х партийцев и нескольких активистов, взяв людей под стражу, лишали их сна, втирали в нос табак, вынуждали допрашивать один одного, всячески издевались.

Председатель Тополивского сельсовета Корюковского района, секретарь парткома, бригадир по хлебозаготовке, в селе известные как пьяницы и грабители, едучи верхами, подняли между собой середняка Нелина и пустили коней галопом, а когда тот, не успевая, спотыкался и падал, его избивали. В сельсовете поставили к стене, инсценируя расстрел.

Активно действует руководство и актив с.Вовчик Олишевского района -- "товарищи" и "бедняки": Щербина, Деревянко, Пилипенко, Пономаренко, Кузнецов, Степаненко, Гринь, Кулаков, Безверхий -- всего 11 человек. Пьяные, налетали стаей, не останавливались перед зверствами, доходившими до невероятного. Избив до потери сознания 55-летнего бедняка Антона Гриня, стали поджигать ему цыгарками уши, чтобы убедиться, жив ли. Избитому Захару Шокуну спустили штаны и вставили в зад лозину. Избитой до потери сознания Устине Коваленко задрали юбку и стали вырывать между ног волосы. Старику Симоновскому сунули дуло нагана в рот, чтобы не шевелился, вырвали один ус, потом "подравняли" -- вырвали другой. Старику Лосю закрутили бороду на мушку нагана и, потешаясь, долго водили по кабинету. (Забегая более чем на полгода вперед, отметим, что долго еще "гуляли" эти марксисты-ленинцы. В сентябре 1933 года, в присутствии райуполномоченного Безверхова, налетели на хату Атафьи Лось. Изымая имущество, избивали. В следующую ночь пришли снова: мол, не все забрали. Хозяйка, опасаясь избиения, удрала. Герои стянули со спящих детей одеяло и дружно стали на них мочиться. Ушли, только получив таким образом полнейшее удовлетворение. Когда все-таки дошло до правоохранительных органов, прокуратура насчитала таких случаев более 60-ти. Во всех случаях избивали палками, кулаками, ногами, наганами; изъятые продукты, одежду присваивали или пропивали. Даже на суде один из активистов щеголял в сапогах, отнятых у гражданина Степаненко. Обращало на себя внимание-то, что газета "Молодой Коммунар" (редактор Островский) очень их хвалила и советовала брать с них пример -- за социалистические методы работы. Председатель облсуда Гарин, однако, этой рекомендации не последовал и загнал преступников в дальние лагеря -- впрочем, нетрудно предугадать, что они и там "мужикам" спуску не давали).

В с.Иржавец Олишевского района уполномоченный РИКа Моисеенко, агитируя за вступление в колхоз, сбросил с печи старуху Шумир так, что она свалилась на спящего ребенка. Позже, с той же целью, одел веревку на шею единоличника Левченко и отвел в холодный погреб, где тот лежал более пяти часов. Поскольку заявлений от столь убедительно агитируемых лиц о приеме в колхоз не поступило, последовало избиение до крови и изъятие всего, что только можно изъять.

В Ичне несколько фининспекторов схватили на улице гражданку Коваленко, затащили в милицию, в присутствии мужчин раздели догола и бросили в подвал на целые сутки.

В с.Волчок Олишевского района избивали 60 единоличников.

Председатель колхоза с.Валки Прилуцкого района, уроженец Харькова Латыш Михаил, его брат Антон и член правления Николай Самойленко, встретив на улице бедняка Михаила Тарасенко, стали палить по нему из револьвера. На кутковом собрании раздели догола единоличницу Хавронию Лабунец и заперли до утра в коморе при 35 градусах мороза. 68-летнего старика Ивана Белана и его жену продержали там пять часов. Среднячку Анну Самойленко тот же Латыш ставил

лицом над горящей лампой, требуя сдачи хлеба. Вечно пьяные, привязывали людей к саням, били окна, разваливали печи, избивали сапогами женщин, детей, отобранное имущество присваивали.

В Носовке бригада заготовителей, отнимая у несдатчиков одежду, мясо, сало, принялась возить добытое в Киев на базар. Сидящий в районе уполномоченный ЦК Раушкин это не поощрил.

Райуполномоченный Гладун в с.Хрещатое позволил себе такие "художества", что даже родная советская власть отвесила ему высшую меру наказания.

Иногда ГПУ получало анонимки. Неизвестные жители с.Атюши сообщали: наш председельсовета Назаренко терроризирует село, избивает жену, в арестантской комнате держит вместе мужчин и женщин, продает для себя колхозную картошку и хлеб. "Не примете мер -- сами уьем", -- предостерегали жалобщики.

Казалось: единственный выход для крестьянина -- поступить в колхоз. Вышедшим на работу, возможно, похлебку дадут. Да и ГПУ замечало: как ни противились обобществлению кулаки, но если поступали в колхоз, то работал лучше всех -- сказывалась хозяйственная жилка; лодырей, рвачей, летунов среди них не водилось (несколько позже простые советские люди, мало способные для себя что-нибудь путное построить, будут искренне удивляться, почему так добросовестно и успешно работают в нашей стране немецкие военнопленные).

Пьянствовали, блудили, воровали, грабили, всячески разлагались в первую очередь председатели, секретари и подвластный им актив. Но было замечено, что вновь поступившие в колхоз часто лицемерят. Так, жители с.Большая Загоровка Исаак Жигимонт и Василий Козаченко поступили в колхоз "Нове життя", но когда прислали косилку убирать их общественные посевы, они упали перед косарями на колени: "Убивайте, але свого хліба не віддамо!"

Обком, если не с человеческой горечью, то с политическим прискорбием констатировал: на 1 января 1933 года в 2329 колхозах области объединилось всего 49,3 % хозяйств. Средний показатель размеров колхозов по области: 100 дворов при 400-500 га земли, хотя случаются и карликовые коллективные хозяйства -- до 25-30 дворов. Уровень коллективизации по отдельным районам неравномерный, колеблется в пределах от 30% до 80%, причем по 24-м районам из 36-ти процент коллективизации ниже 50%. Наиболее низкий процент коллективизации в районах Приднепровья (30-40%), в районах Западного и Восточного Полесья -- близкий к среднему областному, наиболее высокий -- в районах лесостепи (до 80%). За ноябрь-декабрь в области подано 24318 заявлений, принято в колхозы 18672 хозяйства, выполнивших все гособязательства и сдавших колхозам посевзерно. По-прежнему не обходится без хитростей: идут в колхоз, чтобы отцепились, главы семей, оставляя жен и детей на индивидуальных хозяйствах; но такие "укрывательства" мгновенно разоблачаются. Бывает, в колхоз объединяются только крепкие хозяйства, игнорируя бедняков: мол, мы на вас, лодырей, работать не собираемся! -- но подобные контрреволюционные уловки тоже быстро разоблачаются, под суд идут иногда целые составы правлений.

Обком опустел. Стало хорошим тоном: всем, вплоть до членов оргбюро и самого Маркитана, не вылезать из районов, собираясь только на совещания, которых тоже хватало. Много усилий требовал месячник по рубке и вывозке леса. Как мобилизовать колхозников и единоличников на ударную работу при отощавшей тягловой силе?.. И ни на мгновение не упустить из виду главное: хлеб! хлеб! хлеб!

20-30 декабря 1932 года ГПУ провело выборочную проверку 54 колхозов в десяти отстающих районах -- Бобровицком, Борзнянском, Буринском, Велико-Бубновском, Дмитриевском, Носовском, Олишевском, Прилукском, Роменском и Варвинском -- и "в целях продвижения хлебозаготовок мерами профилактики -- по наущению правлений и активистов" (хорошее выражение!) организовали обмолот и изъятие "излишков", утаенных в отходах, полове. Всякого рода уполномоченные, секретари, председатели, активисты брали людей ночью, совали в рот оружие, истязали, подвешивали, обкуривали дымом, запирали голыми в промерзшие сараи. Неплохой улов дали и другие меры ГПУ оперативного характера: обнаружили 521 яму-тайник, 94 черных ям в амбарах, 114 подпольных мельниц, 103 базарных спекулянта... Арестовали 2125 человек, 994 семьи выслали на Север, конфисковав у врагов все имущество, разумеется. За пятидневку из этих колхозов выкачали 9374 центнера зерна, хотя некоторые из них, под тяжким давлением власти, хлебосдачу выполнили полностью, а некоторые заканчивали.

Эти-то районы, оставшиеся без "излишков", и схватила первыми костлявая рука голода.

В первые дни января 1933 года в помощь ГПУ и милиции создали судебно-следственные бригады облпрокуратуры, занявшиеся селами, выполнившими план хлебосдачи по единоличному сектору менее 30%. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года давало право этим бригадам не церемониться. Только за одну пятидневку, с 5 до 10 января, рассмотрели 482 дела. Расстреляли: Якова Тиру, Филиппа Короля из с.Хаболовка Нежинского района, Михаила Ялового из с.Вертиевка того же района, Якова Гордиенко из с.Кучиновка Сновского района (и тут же организовали "Червону валку"), 50-летнего безрукого инвалида Омельяна Дегтяренко (за слова "коллективизацію роблять для панщини, щоб ми були як раби"), 43-летнего Петра Варченко и 37-летнего Василия Гладкого из с.Яблунька Прилукского района, 65-летнего Дениса Кирика и 33-летнего Юхима Белоусского из с.Волевачев Остерского района... Вошли во вкус, понабирались опыта и с 15 по 25 января рассмотрели 349 дел! Многие получали 3-8 лет заключения.

Работа, в общем, кипела. За нерасторопность можно было самому угодить за решетку. Поэтому хотелось: лучше! больше! ударней! Ведь родной партии нужен был хлеб! много хлеба! весь хлеб!!! "Слабое ежедневное поступление хлеба, -- писал 23 января начальник Носовского ГПУ Шкудов, -- необходимо отнести на счет ряда безобразий со стороны низового советского актива, а также отдельных низовых партийных и советских работников -- таких, как пьянки, связь с антисоветским и кулацким элементом". Приводил, естественно, и примеры: предсельсовета Кошель, его заместитель Шульга, секретарь сельсовета Костюк ищут по селу самогон, а заготовители-бедняки врываются в дома, отнимают подушки, сундуки, раздевают всех догола, разваливают печи, бьют горшки и окна, ломают что можно... После "позволяют" некоторым выкупать у них свои вещи за большие деньги, что -- тот же грабеж;

председатель Шатуровского сельсовета Петро Вовк в первой половине января поехал на хутор к Бондаренко, где пропьянствовал двое суток, используя его жену, после оправдывался: "Я был на параде";

председатель Хрещатского сельсовета Кошель, секретарь Сираш устроили притон полового разврата у Палажки Журбы и Анны Диденко.

Разумеется, не все были такими, что тоже не прошло мимо внимания ГПУ.

"Реализация займа 4-го года пятилетки -- это необязательный платеж", -- сочли возможным сказать крестьянам в Медведовском сельсовете, за что поплатились свободой все -- председатель, его заместитель, секретарь и два члена президиума.

В колхозе "Воля", с ведома председателя Малько, составили фиктивный акт о том, что сгнила одна тысяча пудов картошки, и развезли ее колхозникам. Так же поступил с зерном предколхоза им.13-летия Октября Братец (заметим, что подобное случилось во множестве колхозов в конце 1932-го и начале 1933-го годов, потом прижали). Некоторые по-другому душу отводили. На хуторе Мосты Бахмацкого района пьяный секретарь сельсовета ночью разогнал дежурных и по телефону принялся крыть матом ВЦИК и все районные организации. Буянил, пока не побили, поэтому доругаться до ВЦИК не сумел. Некоторые партийцы, в нарушение всех правил, брали у сельчан хлеб на сохранение. Неудивительно, что только состоянием на 7 декабря 1932 года из составов сельсоветов вывели 171 человека, из комиссий содействия хлебозаготовкам 57 человек, привлекли к ответственности 70 человек. Как только стало ясно, что в деле хлебозаготовок декабрь решающим месяцем не станет, Маркитан разослал секретарям РПК и предРИКа указание: усилить репрессии, доводить дело до конца, науськивать сдатчиков на несдатчиков, беспощадно подавлять любое сопротивление.

Для окончательного перелома в хлебозаготовках решили применить с должным размахом выселение на Север. Подытожили накопленный опыт. С предостережением: "Не подлежит оглашению. Только лично. По окончании операции вернуть в ГПУ", начальник облотдела ГПУ Двинянинов разослал по подчиненности "Инструкцию по выселению". Производить подобные операции надлежало уполномоченным ГПУ совместно с местной властью -- уполномоченным РИКа, председателем сельсовета, секретарем партиячейки. Охрана -- милиция, мобилизованные на это дело надежные партийцы и комсомольцы из местного актива, вооруженные, по возможности, хотя бы ружьями -- в количестве, обеспечивающем трех человек охраны на семью. Детей до 10 лет и нетрудоспособных позволялось в исключительных случаях оставлять на попечение родственников или знакомых. Стариков свыше 65 лет,

отказавшихся оставаться без семей, направлять на станции погрузки. Вывозить из села с таким расчетом, чтобы прибыть на станцию за 30 часов до отправления эшелона. Вывозить ночью запрещается, только на рассвете, часов в 5-6. Средства производства -- топоры, пилы, лопаты везти на отдельных подводах под охраной. Населенные пункты объезжать стороной. Привалы делать только на открытых, чистых пространствах, не более часа. Если выселяемых слишком много, назначать из их числа старост. Каждые три часа доносить по телефону или нарочным о ходе подготовки и самого выселения, о настроении села и выселяемых, также о ходе массово-политической работы в селе вокруг выселения. Оружие применять только в исключительных случаях, до этого даже не обнажать. Все происходило, как и полагается при плановом социалистическом хозяйствовании, централизованно. Маркитан давал цифру, напоминал о соблюдении "правильного классового отбора", всякие райуполномоченные разъезжались по селам, составляли списки основного и дублирующего состава. Наметили, скажем, на такое-то число выселить полсотни семей, уже и нужное количество вагонов заказали, а несколько семей -- возьми да и скройся. Не беда, пополним недостачу из резерва дублеров, намеченных из расчета один к одному, то есть, если вся полсотня даст деру, выселим другую полсотню -- все не скроются. В некоторых селах пытались словчить: выселить под шумок бандюг, гуляк, лодырей, но их строго одернули: социально близких не трогать. (Как же: питательная база и резерв партии!) Во избежание демонстрации Вахмачу предписали грузить выселяемых на ст.Дочь.

В с.Красляны Прилукского района согнали на собрание около сотни человек. Уполномоченный РИКа произнес речь о вреде кулачества, "со стороны масс посылались выкрики" (выражение из спецсводки ГПУ): "Вы их отправляете сегодня, а завтра нам тоже не сдобровать! Раз советская власть решила замучить, то замучит -- если не голодом, то белыми медведями! Да и зачем их выселять? Ну, были богатыми, а сейчас работают в колхозе -- и хорошо работают!!."

7 января на ст.Прилуки доставили 36 семейств -- старики, женщины, дети. Под охраной двадцати вооруженных винтовками милиционеров долго держали в желдорклубе; посадку в вагоны произвели в два часа, а отправили вечером. Во время стоянки ГПУ не дремало: если к прибытию на станцию среди выселяемых было только два осведомителя, то ко времени отправки стало четыре -- шантаж, угрозы, посулы облегчить участь родных, детей делали свое. Из сообщений осведомителей следовал странный вывод: высылка уже не столько пугает, сколько подает надежду: "В селе все время дрожи, а там как-нибудь приспособимся. Едем на заработки, будем как на свободе. Хорошо, что с семьями вывозят. Советская власть уже совсем ничего не соображает!"

После отъезда подвод в селе собирали единоличников-середняков, бедняков и давили угрозами: вступайте, иначе и вам то же будет!.. В с.Малькине не сдержалась Анна Чалая: "Ну що, домоглися землі, думали добре буде, а воно гірше панщини!" Ее поддержала Горпина Сенчевская: "Незручно всіх стріляти, то й знищують висилкою. Дай Бог часу, щоб їх за це перестріляти!" К сожалению, и этот мимолетный диалог не миновал бдительных ушей: за донос ведь можно было получить часть имущества потерпевших.

Выселения старались приурочить к какому-нибудь празднику, например, к Рождеству (чтобы прочувствовали: для большевиков Бога нет!). Не забывали и священнослужителей. Массово выселяли баптистов. Кажется, в один день попали в один вагон переселенцев священники-тихоновцы: Барзелович из с.Фастовцы, Седлер из с.Атюши, Гурий Правило из с.Обмачево, Иосиф Яценко из с.Ивангород, Лесовой из с.Малая Загоровка, Ковалюха из с.Большая Загоровка... В пропагандистских целях выселения представляли иногда как "изъятие" с целью защитить классового врага от самосуда колхозников.

В остальном же жизнь шла своим чередом. Уполномоченные Прилукского РПК Москаленко и Зорохович, прибыв в с.Ивковцы, распорядились (что после было заклеяно "кабинетным стилем"): "Вызывать по одному в сельсовет и морить голодом, пока не сдаст. Надоело возиться!" Предколхоза в с.Каневщина Павел Кульбак 2 февраля зашел в правление, крикнул колхозникам: "Давай, скликайте бригадирів на збори!" -- и рухнул пьяный на пол. 13 февраля в хату колхозника с.Голубовка Кирилла Матвиенко, бывшего в то время на собрании, ворвались, выломав дверь, в поисках выпить и закусить беспробудно пьянствовавшие и терроризировавшие село зампредсельсовета Дубовик, член сельсовета Кравченко и примкнувший к ним, но подающий большие надежды Попенко; и набросились на

хозяйку: "Чего не открываешь! Не знаешь, кто мы такие! Уничтожим!!!" Еще какого-то предколхоза задержали в Прилуках на базаре -- продающего зернохлеб. В с.Рудовка Прилукского района колхозники Федорец, Радченко и другие осмелились попросить предколхоза им.Сталина: "Иван Тимофеевич, позвольте выехать в РСФСР для закупки семян". Тяжко вздыхали колхозники с.Белошапки Феодосий Мотузко, Трофим Мирошник: "Как все надоело! В прошлом году ездили в Россию за хлебом, валялись на вокзалах, мучились, а теперь даже из села не выедешь!" На ст.Прилуки только с 27 января по 1 февраля задержали 86 беглецов из разных областей, устремившихся искать спасения в России, Белоруссии, на Днепрострое, Харьковском тракторном заводе, Джанкое, Керчи, Туле, Алчевске... Уполномоченному линейного поста ТО ОГПУ Медведеву дали в помощь постоянных милиционеров, усилили опергруппу стрелков городскими коммунистами, проверили и предприятия Прилук -- затесавшихся на работу беглецов отдали под суд. Стало некуда сажать людей. Ходил слух: в переполненном Черниговском ДОПРе ежедневно от скученности, голода и болезней умирает до сотни крестьян. В камерах Прилукской милиции, рассчитанных самое большое на 48 человек, на 8 февраля скопилось 110 человек. Начальник милиции объявил карантин и отказался принимать хоть одного арестанта: некуда, ногами не впрессуешь. Поскольку за три дня никому не выдали и корочки хлеба, заключенные проявили неповиновение: стали ломать двери. Однако деваться было некуда -- в городском ДОПРе тоже задыхались от тесноты. Ввиду крайней перегруженности камер отказались принимать арестованных Нежинский и Конотопский ДОПРы. (Не исключено и приводящее обстоятельство: эпидемии заразных болезней, вызванных скоплением грязных, невытых, истощенных тел, могли не помиловать и сытых). 21 июня взмолились начальник Бахмачского РО ГПУ Британ и начмилиции Тищенко: в подвале 204 арестанта, хлеба на их содержание не выдали, большинство из них лежит без движения, а кто может, колотит в дверь -- приходится во избежание эксцессов подкармливать из запасов личного состава милиции, что нелегко: милиционеры работают без выходных, их в столовой кое-как кормят, но их жены, пайка не получающие, приходят с плачем: "Дайте хлеба!"

По улицам бродили опухшие люди, валялись мертвые, полусидели истощенные. Росла всеобщая озлобленность. Отметим ГПУ и такое нездоровое явление как возникновение национальной вражды: в Бахмачской школе 30 учеников русских групп нападали и избивали учеников украинских групп, установили в зале "украинскую" территорию. Кто мог -- бежал. 27 января на ст.Чернигов задержали группу беглецов в 27 человек. Сумевший прорваться из Бахмача в Москву за хлебом (аж 4 раза), Гаврило Колодий обиженно подытожил: "Смеются там над дурными хохлами!" В Прилуках возле салотопки не убывала толпа: жир, вывариваемый из костей для производства мыла, продавали на базаре как съестное. Ситуация выходила из-под контроля. Начальник РО ГПУ Глушак и начальник его секретно-политического отдела Костров сочли возможным обратиться к партначальству: "В связи с массовыми случаями голодомки колхозников, просим принять соответствующие меры", -- неосторожно сформулировали товарищи, проявляя прискорбное и опасное непонимание генеральной линии партии!..

17 марта ЦК КП(б)У постановлено: давать отпор, разоблачать и пресекать различные провокационные слухи, сурово карать паникеров. Твердой рукой власти навести железный порядок: весь нетрудовой и бродяжничающий элемент через ГПУ и милицию направлялся на лесоповал, дорожное строительство, на заводы и шахты, разработку карьеров, под особым наблюдением, отдельно мужчин и женщин. 5 июня последовало еще одно постановление: "ЦК констатирует, что за последнее время усилился приток из сел в города беспризорных детей. Происки кулака... Наметить ряд мероприятий для полнейшей приостановки притока детей из сел в города". Для многих семей была утеряна последняя возможность спасти ребенка, вытолкнув его в люди...

Неутешительные сообщения о положении в районах, прорывая запруды инстанций, стекались на стол Маркитана -- с указанием фамилий, классового и социального разделения, всевозможных цифр и процентов. Делавшее самую грязную и кровавую работу ГПУ стало летописцем эпохи. Да и позволялось ему многое. Житель с.Курень-1 Прилукского района Иван Кеба в разговоре с односельцами сказал: "Николай был сволочь, но и Ленин настоящая блядь, это он довел народ до голода" -- кто, кроме уполномоченного ГПУ, мог позволить себе безнаказанно такую свободу слова и выражений! Особенно много доставалось "мерзавцу" Сталину, поэтому о нем со временем стали писать безлично: "Обругал матерными

словами одного из вождей партии и правительства", без упоминания имени. ГПУ не только информировало парткомитеты разных уровней о настроении, отношении, реакции населения на то или иное событие, ГПУ давало партии реальный фактаж, экономические оценки, рекомендации политического и хозяйственного свойства -- оно информировало, объясняло, советовало, зачастую требовало, особенно когда дело касалось эпидемий. Насыщенные конкретикой донесения, информ- и спецсводки, вероятно, производили в начальниках эффект присутствия. В марте 1933 года Маркитан читал:

"Секретарю Облбюро
КП(б)У т.Маркитану

Сов.секретно
Серия "К"

Докладная записка

о явлениях продовольственных затруднений
и голода по Черниговской области

Помимо сообщенных вам раньше фактов проявления продзатруднений и голоданий в ряде районов, такие проявления еще зафиксированы в последнее время в Бахмацком, Борзнянском, Березненском, В.Бубновском, Носовском и Роменском районах.

Особенно выделяется по количеству и характеру проявлений голода Роменский район. Так:

Роменский р-н:

В с.Дыбоголовцы проживает семья, арестовывавшегося за участие в банде Д.Семенова, Дмитрия Д. (тут и далее в подобных случаях фамилии указывать не будем -- В.Ш.), состоявшая из него, жены и 4-х детей; эта семья в последнее время питалась людским мясом.

Жена Д. -- Анастасия, пригласив к себе в дом знакомого Ивана Мисоцкого, 50-лет, убила его ударом топора, после чего порубила на куски и мясо убитого Мисоцкого варила в пищу.

При производстве обыска в доме Д. были найдены две человеческие головы, что говорит о том, что помимо Мисоцкого там был убит еще кто-то. Личность последнего выясняется.

При допросе Д. и его жена сознались в убийстве Мисоцкого и употреблении его мяса в пищу, заявив, что они голодали.

Роменской раймилицией по обвинению в покушении на кражу собаки была задержана жительница г.Ромны Мария Копач, 38-ми лет.

При допросе последняя показала, что она живет в Ромнах 10 лет и что ее сожитель Петр Бушуев вследствие отсутствия средств к жизни оставил ее с 3-мя детьми: девочкой 7-ми лет, мальчиком 4-х лет и девочкой 2-х лет 4-ех месяцев без всяких средств к существованию, куда-то уехал в поисках работы.

Не имея возможности прокормить своих голодных детей, она решила похитить собаку, чтобы употребить ее мясо в пищу.

При производстве работниками милиции проверки на квартире у гр.Копач никаких продуктов не найдено, а дети ее лежали в поломанной кровати, прикрытые рваной одеждой.

В беседе старшая девочка сказала, что они на протяжении последних двух дней ничего не ели. Приглашенный врач констатировал, что дети опухли на почве голода.

Копач из-под стражи освобождена, есть договоренность с предРИКа об оказании ей продовольственной помощи и предоставления работы.

Борзнянский р-н:

В с.Шаповаловка 15 бедняцких семейств, членов к-за "Переможець", голодают; две семьи опухли от голода. По договоренности с предколхоза Еременко и секретарем партячейки Шубой при к-зе для детей и нетрудоспособных членов голодающих семейств колхозников организовано питание за счет колхоза, а трудоспособные члены этих семейств привлечены к работе и получают в столовой общественное питание.

В поселке Борзна голодают 20 семейств бедняков -- членов к-за "Червона зірка", обремененные большим количеством нетрудоспособных. Член к-за "Червона зірка" вдова-беднячка Ефросинья Сытник, сын которой служит в Красной Армии, имеющая 3-х малолетних детей, выполнявшая 170 трудодней в к-зе, где состоит со дня его образования, работает дояркой, честно относится к своим обязанностям, явилась в райаппарат ГПУ и заявила, что она голодает семьей, а правление в лице председателя Кононенко (кандидат КП(б)У) ей в помощи отказало, поэтому она решила на самоубийство, но дети не допустили этого и

она обратилась с просьбой в райаппарат ГПУ, чтобы ей помогли добыть средства к существованию.

Член того же колхоза Наум Фурса, имеющий 5-х малолетних детей, бедняк, выработавший в колхозе более 200 трудодней на должности конюха, не имеет средств к существованию и вследствие этого хотел выехать из села для подыскания работы.

В райаппарат ГПУ был вызван Председатель к-за Кононенко, который подтвердил факт наличия 20 колхозных семейств, терпящих голод, и заявил, что он не имеет возможности оказать продовольственную помощь этим семьям. С Кононенко райаппарат ГПУ договорился, что из имеющихся помимо посевного фонда в колхозе 10 центнеров гороху и 5 центнеров отходов зерна, голодающим семьям будет оказана продпомощь. Одновременно райаппаратом принимаются меры для выяснения действительных размеров голодания и причин такового.

В.Бубновский р-н:

В к-зе "Весела праця", с.Березовка, имеется ряд семейств, как то: Василия Ковпана, Никона Коляды, Василия Назаренко, Матвея Белокура, Федора Спивака, которые не имея хлеба, питаются различными суррогатами, занимаются попрошайничеством, так как не имеют средств к существованию.

Члены колхоза Иван и Николай Демидовские, Елена Науменко, Прасковья Приходько, Акулина Харченко, Ксения Калиман, Тимофей Спивак, Мария Сытник, Василий Назаренко и ряд других взяли суммы и пошли по соседним селам просить ради милости хлеба.

Названные члены колхоза являются хорошими работниками и выработали много трудодней, но так как норма выдачи по трудодням натурой была мала, а названные лица обременены большими семьями, они голодают.

В с.Березовка на почве голодания в ряде семейств стали отмечаться массовые случаи хищения продуктов питания из сараев и погребов, а также сала, мяса животных из салотопки.

Райаппарат ГПУ сообщил об изложенном РПК и РИКу, с которыми договорено о принятии экстренных мер к оказанию продовольственной помощи голодающим семьям.

Носовский р-н:

В с.Колесники члены к-за Ивенко и другие голодают семьями и ходят по домам просить хлеба.

То же в с.Мрын. Там умер к-ник Марк Косенко, якобы от голода.

В с.Степные Хутора в к-зе "Большевик" голодают 12 колхозных семей, из них четыре уже больны.

Распространенность и причины голодания Райаппарат устанавливает.

Березнянский р-н:

В с.Стольное выявлено около 100 семейств, которые недоедают, из них 35 совсем голодают, не имея чего есть, 8 семейств уже опухли от голода. В числе голодающих 10-12 семейств являются членами колхоза.

В с.Бегач голодает 42 семьи, из них 12 уже опухли от голода.

В семье голодающего Процько, состоящей из шести душ, четверо уже умерли от голода и двое находятся присмерти.

В с.Семеновка голодает 17 семейств, из них одно уже опухло. Райаппарату поручено проверить эти факты.

В с.Удовка голодает 30 семейств. Случаи голодания отмечены также по ряду других сел района. В большинстве голодающих семейств дети поопухали от голода и находятся накануне смерти. Часть голодающих продала своих лошадей для закупки продуктов питания, а часть съела своих лошадей. Голодающие единоличники объясняют это тем, что у них был большой недосев, значительная часть урожая вымокла и погибла. Голодание же колхозных семей объясняется тем, что в ряде колхозов, благодаря бесхозяйственности и преступным действиям правлений колхозов, колхозники получили по трудодням очень мало зерна, которое уже давно съели. Характерно, что сами голодающие относятся к своему положению с тупым равнодушием и не принимают активных мер к добыче средств существования, примирившись с мыслью: "Помощь ждать неоткуда, смерть неизбежна".

Окружающие голодающим не помогают, мол, самим есть нечего. Правление колхозов тоже не помогает голодающим семьям колхозников, мотивируя тем, что им тоже есть нечего.

Об изложенном было сообщено РПК и РИКу. РПК через соответствующие организации принимает меры по оказанию немедленной помощи голодающим семьям, кроме того,

предлагается принять голодающие бедняцкие единоличные семьи в колхозы без внесения посевного материала с тем, чтобы привлечь их к работе в колхозах и выдать продукты питания авансом в счет трудодней, которые они выработают в будущем (как мы уже знаем, партия этот гнилой либерализм решительно пресекла. -- В.Ш.).

Бахмацкий р-н:

В с.Халимоново две индивидуальные семьи красноармейцев Кривохожи и Симеренко голодают, а шесть семейств бедняков-единоличников, выполнивших полностью план хлебосдачи, едят просяную шелуху за неимением хлеба.

В с.Фастовцы семьи бедняка Андрея Евтушенко, сапожника Федота Евтушенко, отказавшегося в прошлом году от земли, единоличников Юхима и Кирилла Седя, а также бедняка Василия Балясового питаются просяной шелухой. Юхим и Кирилл Седь и дети Балясового ходят по домам и нищенствуют.

Об изложенном сообщено РПК и РИКу, с которыми договорено об оказании экстренной помощи голодающим.

Зам. начальника облотдела ГПУ Загорский".

Представим себе затруднение ГПУ. Партия бросила клич: "Уничтожить кулачество как класс", -- следовательно, любого единоличника: богатого -- как кулака, бедняка -- как подкулачника, можно разорить, выбросить вместе с семьей на мороз, изгнать из села, -- за это если не похвалят, то, во всяком случае, не накажут. А как быть с колхозником, в отношении которого заявлена совсем другая цель: "Сделаем всех колхозников зажиточными"? Не спросят ли потом: почему допустили голодание? где ваши принятые меры?!. Поэтому, как только выяснится, что партия плевать хотела и на колхозника: ей бы только для ее мировых целей хлеб изъять, либеральных ноток в отчетах ГПУ заметно поубавится.

Но пока что с каким-то подобием надежды на "зажиточного колхозника", вероятно, не совсем распрощался и тов.Маркитан. Прочитав отчет ГПУ, он к страданиям трудящихся безучастным не остался. Незамедлительно был сочинен проект "Постанови Чернігівського Облоргбюро КП(б)У" (которому вряд ли была придана сила обязательного к исполнению документа: не мог ведь не понимать первый секретарь, что возможности весьма ограничены), в котором не только признавались на самом деле имеющие место "харчові труднощі", но и выдвигались конкретные и конструктивные для создавшегося положения меры:

"Не дивлячись на наявність усіх можливостей, районні парторганізації не вжили відповідних заходів до організації допомоги. Запропонувати тов.Аутману, Гільдергорн, Ровді, Шевцову і голові Промради тов. (фамилия не указана) протягом 2-х днів вишукати відповідні продукти для утворення фонду допомоги потерпілим від харчових труднощів. У найбільш вражених пунктах організувати пункти для харчування дітей. Запропонувати Облздраву (тов.Заславський) забезпечити лікарською допомогою населення найбільш вражених пунктів, організувати оздоровчі заходи для дітей -- ясла-майданчики".

Мог ли воплотить в жизнь эти благие пожелания, к примеру, секретарь Прилукского РПК тов.Робенко -- человек умный, образованный, вероятно, вообразивший, что строит социализм в братской семье равноправных республик; в мучительстве, как говорится, наслаждения не находящий -- наоборот (кто в грехе не зачат!), любитель собрать друзей-товарищей, нескольких веселых женщин, да и закатиться в не очень отдаленный колхоз бесплатно выпить и закусить? Вряд ли! Иначе не писал бы:

"Маркитану

Зовсім таємно

Доповідна записка секретаря

Прилуцького РПК Робенка від 19.03.1993р.

На додаток до доповідної від 14.03.33. Їздили перевіряти села з начальником ГПУ. Голод охоплює чим далі більше колгоспників: в с.Яблунівці замість 27 голодуючих виявлено 111 родин з загальною кількістю 487 чол., тобто 20% колгоспників зовсім не мають чого їсти, причому 45 сімей з кількістю 148 колгоспників зовсім знесилені і опухли. Серед них ударники: Федір Брешко -- сім'я з 3-х осіб, виробила 300 трудоднів; Іван Шавро -- сім'я з 5-ти осіб, виробила 200 трудоднів; Тиміш Пустовіт -- сім'я з 8-ми осіб, виробила 700 трудоднів; Степан Вовк (член партії з 1927 року) -- сім'я з 6-ти осіб, виробила 400 трудоднів; Петро Горбач -- бувший голова колгоспу, активіст і Микола Холодницький -- батрак, на порозі смерті.

Перевірили внутрішні харчові ресурси -- можна використати 18 пудів всіляких відходів і непридатного на посів насіння. Вжили заходів до перемоли і управа

колгоспу видає допомогу. Все це недостатнє -- без сторонньої допомоги не обійтись.

Звідціль настрої колгоспників надзвичайно погані. Вихід на роботу незадовільний, навіть тих, хто має що їсти -- під впливом куркульської агітації. Підготовка до сівби проходить мляво. Вози, плуги, культиватори, сівалки ремонтуються погано. В к-пі ім.Сталіна утробили 6 коней -- довели до нездатності.

Провели вибіркве обстеження в 20-ти сільрадах. Потребують негайної допомоги 797 сімей, де дорослих -- 1050 душ, дітей -- 1800 -- усі виснажені, з голодними набряками і опухлі. 25 вже вмерло. Також виявлено 547 чол., що не можуть ходити, 275 опухли, потребують меддопомоги. Із тих, хто в гостро скрутному стані ходять на роботу лише 303 чол., 747 зовсім виїхали "шукати порятунку від голодно смерти".

У місті теж голод. Робітники виробничих артілей, кустарі зовсім не отримують хліба -- 41 опухли, більше 50-ти лежать.

Провели вибіркве обстеження матеріально-побутових умов: у багатьох на утриманні 3-4 душі, зарплатня 70 крб. 6 сімей буквально голодують, дітям дають раз на день хліб -- дуже поганої якості.

Шорно-сідельна ф-ка: 7 сімей з дітьми лежать опухлі. Серед цих сімей характерними є: Сріблянський -- робітник, бригадир, ударник, 8-річний робочий стаж, на утриманні 5 душ, мати померла, сам і діти опухли, у квартирі порожньо, відсутні одяг і будь-яке майно. Повна розгубленість і безпорадне становище; Руденко -- 20 років стажу, сім'я 7 душ, одержує лише 300 г хліба, їдять, бувало, коржики з макухи і то обмежено, бо на ринку макуха 65 крб. (місячна зарплатня). Всі лежать опухлі; Кривуша -- ударник, 20 років стажу, сім'я -- 4 душі. Їжа -- лише пилука з млина, на ринку 1 крб. шклянка. Всі опухлі; Антоненко -- робітниця, 70 крб в місяць, сім'я -- 6 душ, всі непрацездатні, батько помер, усі лежать.

Радіо-штампувальна фабрика: в 13-ти сім'ях діти лежать пухлі.

Лісорізочний завод: обстежено дві сім'ї. Охріменко -- робітник, 8 років стажу, сім'я -- 6 душ, всі лежать, дружина старцює по селах. Різниченко -- батько помер, сім'я з 4-х душ, в жахливому стані.

Те ж саме на інших підприємствах. Серед голодуючих є члени партії. Зазначаю, що це лише вибіркова перевірка -- таких фактів по місту значно більше. Хто працює -- худі, непритомніють. Збільшилася захворюваність і смертність.

Погіршився стан громадського харчування: капуста і крупи, без жирів. Норми видачі хліба робітникам і службовцям (не всім) -- 200-300 гр. На панчішній фабриці два місяці зовсім нічого не платили. Те ж саме на взуттєвій фабриці. Люди не стають до роботи. Просимо негайної допомоги".

Настойчиво просили помощи все районы: Березнянский -- 300 центнеров, Прилуцкий -- 180 центнеров, Борзнянский -- 60 центнеров, Нежинский -- 45 центнеров, Велико-Бубновский -- 752 центнера -- кто сколько, главным образом в зависимости от характера секретаря РПК, но исходя из минимума -- 300 гр на день.

Хорошо, тов.Сталин постановлением ЦК от 28 февраля 1933 года разрешил открыть в Харькове (наряду с Москвой и Ленинградом) 30 хлебных и 10 мясных магазинов с предписанием продавать в одни руки не больше 2 кг хлеба и 1 кг мяса по твердой цене -- и прослыл отцом родным и благодетелем. А что делать первому секретарю обкома, зажатому между наковальной вымирающих от голода районов и молотом требовательной, беспощадной верховной власти? Маркитан предпринял настойчивую, но безуспешную попытку оттягать через посредничество ЦК КП(б)У в Киевского обкома 6789 пудов семенного зерна, одолженного области решением Политбюро еще весной 1932 года. Обращается к Постышеву и по другому вопросу: "Решением ЦК нам разрешено было все заготовленное с 1 февраля зерно оставить в распоряжении области, которое мы распределили по наиболее тяжелым районам. Распоряжением Всеукраинской конторы "Заготзерно" часть этой заготовки, в размере 518 тонн, аннулирована. Категорически возражаем и просим указанное количество оставить в нашем распоряжении, согласно решения ЦК, так как в отдельных районах области продовольственное положение настолько напряженное, что без нашей поддержки там обойтись не могут".

Не обошел тов.Маркитан и еще один животрепещущий вопрос: ввиду нарушения нормального товарообмена стал испытывать значительные финансовые трудности сам Черниговский обком. Например, помощникам первого секретаря, получавшим

400 руб., управделами ЦК снизил ставку до 300 руб. Более того, недополученные на 27 февраля на содержание обкома 334840 руб. пришлось восполнять из средств, отпущенных на ремонт и содержание райпарткомов, что, естественно, ущемляло интересы секретарей, различного уровня уполномоченных, да и всех 19917 членов партии. Как с такой малостью руководить, если по подсчетам Маркитана, доведенным до Косиора и Постышева, для должного охвата области соответствующим количеством партийцев ему резко не хватает самое малое пяти тысяч человек? ("Боевое было время! -- возможно, вздыхает сейчас какой-нибудь престарелый партийный волк. -- Сколько себе преград наставили, но под мудрым руководством все превозмогли!..")

Последующие заготовки, идущие весьма неравномерно, свидетельствовали, что цифры плана извлекались преимущественно с потолка. К примеру, проса в области к 5 февраля наскребли аж на 198%, пшеницы -- 83,5%, ячменя -- 77%, овса -- 54%, гречихи -- 71%, кукурузы -- 8%, бобовых -- 24%, вики -- 85,7%, что составило в целом 63%. Причем в изъятии из районов вика тоже вышла большая. Например, если в Остерском районе "изыскали" 121% зерновых, то в Нежинском только 40%. Следующая пятидневка показала, что в отношении проса область еще не истощена. По состоянию на 10 февраля цифры заготовки выглядели так: всего засыпано 462857 тонн (или 68,8%); по культурам: пшеницы -- 31800 т (84%), ячменя -- 73189 т (81%), овса -- 146136 т (58%), проса -- 13501 т (200,9%), гречихи -- 99394 т (75,2%), бобовых -- 25649 т (24,2%), вики -- 70914 т (85%). Изъятие тоже было неравномерным: если с Остерского района извлекли 4661 т, то с Олишевского -- 12223 т. Нежинский же район, заготовивший всего 13086 т (39%), был упомянут в конце сводки как безнадежно отстающий. Не в лучшем положении оказались районы: Носовский (42,5%), Прилукский (37,3%), Роменский (41,6%), Буринский (44,7%), руководителям которых стоило сделать надлежащие выводы.

Так и шло. К 15 марта у единоличников изъяли 172127 тонн -- мало, всего 40%, поскольку в прошлом году многие и не сеяли из-за отсутствия посевматериала. Для ускорения дела ЦК прибегло к испытанному методу: прислало постановление о полном охвате парторганизациями всх бригад и колхозов. Маркитан напомнил, что в городах и райцентрах он может наскрести худо-бедно 500 человек, а требуемых 5 тысяч ему взять негде... Всех имеющихся в наличии секретарей колхозных партячеек собрали на первое областное совещание, проявившее во всем безусловное единодушие и пославшее Сталину невозможную в будущем, фамильярно-дружественную телеграмму: "Да здравствует ЦК ВКП(б) во главе с Тобой -- любимым вождем большевистской партии и международного пролетариата. Заверяем Тебя..." и т.д. Провели областной слет конюхов, конференции учителей, районные и сельские инструкционные совещания... Великий вождь мог спать спокойно, если он вообще спал в обычном понимании этого слова...

Вдобавок, ЦК КП(б)У приняло "соломоново" решение: во время подготовки к посевной прекратить временно изъятие зерновых, перенеся все усилия на сбор масличных культур -- подсолнуха, конопли, льна, сои, клещевины... Что ж, клещевины так клещевины: рабу, лишенному собственной воли, позволено проявлять инициативу только в одном направлении -- соображать, как лучше исполнить волю господина.

Поскольку прозорливое государство стало вытрясать у крестьян "в плановом порядке" вообще все съестное, вплоть до семечек, положение на местах усугубилось. Информировав обком о положении в районе, секретарь Носовского РПК Широкий писал:

"4 лютого в с.Ганівці скопилось біля 18 підвод -- це когоспники і одноосібники с.Лосинівки виїхали купувати кормового ("скотського") буряка для харчування. На базарі в с.Макиївці селяни атакували продавця макухи і за півгодини все розмели -- опісля макуху товчуть, розмочують у теплій воді і їдять. В с.Іржавцях харчуються жолудями. По селах старцюють діти, жінки, дорослі, хворі й здорові. Такий тип одноосібника, який казав: "Здохну, а до колгоспу не піду", зараз безперечно знаходиться в тяжкому стані. Колгоспник, що літом виробив 45-60 трудоднів, має надто кепську харчову перспективу. Поки їдять буряк, полу, тирсу.

В с.Колесниках -- село суцільної колективізації, із значним прошарком червоних партизанів, хліба зовсім немає. У цьому к-пі впродовж років розквітало значне ледарство, яке підтримувалось управою к-пу на чолі з відомим партизаном, нагородженим орденом Леніна, Нагорним -- не членом партії, бо ні в селі, ні в колгоспі комуністів немає. Ставлення до хлібоздачі

відверто вороже: "Влада не наша -- хліба не дамо". Хліб взяли після застосування "крутих заходів" -- арешту управи. Ледарство видно з: Андрій Давиденко за літо заробив 16 трудовнів, Яків Рибак -- 42, Антоніна Коворотня -- 43, Андрій Недоля -- 27, Грицько Рибак --9, Іван Рибак -- 3. Працювали безгосподарно: восени 1932 р. згноїли кагат картоплі.

В с.Мринах помер когоспник Косенко. По селу пущена чутка, що від голоду. Факт уважно перевіряється. У к-пі "Більшовик" без хліба навіть ті, хто виробив 500 трудовнів. На кушових зльотах колгоспниць помітні споживацькі настрої:

"Пухнемо,дозвольте їхати в Росію по хліб, бо до літа повмираємо".

Трактористи в майстерні цукроварні кажуть: "Хай ремонтують, але якщо ми не захочемо, щоб трактор робив, то він робить не буде".

В ніч на 21 березня в к-пі "Перемога" с.Гармашина згоріла конюшня і 24 коня, з них 10 жеребих маток (усього в к-пі 53 коня). Голодують переважно ледарі. Дітям колгоспників допоможемо картоплею і пшоном.

24 березня біля с.Червоні Партизани вбили робітника бурякорадгоспу. Їхав волами -- два запряжені, два позаду неприлигані. Двох угнали, один бродив поруч, одного зразу ж зарізали.

23 квітня в с.Рівчак-Степанівці, у вихідний, комсомольці Кухар, Ткаченко, Прузь у супроводі 30 жінок-комунарок з криками: "Дайте нам хліба -- ми голодуємо!" потрусили членів управи комуни "Світова зірниця" -- секретаря партосередку, комірника, завсвинофермою, завпасікою, -- хто скільки має хліба, але інспектор міліції Онанко, що випадково їхав через село, це припинив.

У ніч на 26 квітня в с.Лісові Хутори двома пострілами в голову вбили члена партії, партизана, що добре воював з куркулями, комірника к-пу "Перша п'ятирічка" Розума Івана Романовича.

В с.Коломийцівка 23 квітня померло 8, а 24 квітня -- 5 душ.

В с.Лосинівка померло 70 душ, в с.Пустотіно голодує 83 сім'ї. Голодні настрої тут особливо міцні".

Тяжелейший, неотвратимый пресс голода уравнивал села, имеющие в глазах власти различный престиж.

Пусть и жители с.Мартыновка Прилукского р-на узнают, как выглядело их село, характеризуемое властью как "зажиточно-кулацкое, повстанческое, вольночное", скажем, 13 июля 1933 года. Недород озимых культур в 32-м году, заготовительный грабёж поставил их колхоз "Шлях до социализму" на грань исчезновения. Умерло свыше 700 человек, из них 260 бедняков, воздержавшихся от вступления в колхоз, где им, возможно, могли дать похлебку; 209 середняков и 306 кулаков (такова разделительная калькуляция партии, не устающей орать о всеобщем равенстве!). В период с апреля по июнь умирало по 30-50 человек ежедневно. Хоронить было некому -- несчастных зарывали в хатах, во дворах, во всяких ямах, едва забросав сверху землей, без регистрации в сельсовете. Многие лежали по 2-3 дня на улице, собаки выедали им лица... Отношение еще живых ко всему было безразлично. Сельсовет знал только трудоспособных. Предколхоза Прокопенко ругался: "Пускай мрут лодыри, дармоеды!". Кто мог, пытался воровать лошадей на убой.

Очень большое с.Ивангород, в которое вошло девять колхозов, власть считала революционным, партизанским. Под посевную в пяти колхозах села произвели проверку. Оказалось: умерло 97, опухло 103 колхозника. Не обошли и единоличников: 140 умерло, 300 опухли и к работе не способны. Отношение красных партизан к советской власти резко изменилось. В к-зе им.Ворошилова бывшие борцы за новую жизнь и их жены неоднократно напускались на сельчан: "Не ходите работать, кто пойдет -- головы сапками разобьем!" В целом по селу зарегистрированы 287 смертей, с попом погребено 116, остальные зарыты без гробов неучтенными. Повымирали целые семейства: семья Грушки Дмитрия -- 4 души, семья Гриценко Опанаса -- 5 душ и т.д. (и никто из них уже не скажет: "Да что вы -- жили бедно, но весело!"). " Отношение населения к происходящему равнодушное. Характерно, что при погребении никто не плачет, даже считает неприличным плакать над гробом, каждый ждет такой же участи: "Всем нам туда дорога. Власть решила истребить людей. Нам теперь ничего не страшно. Остаться в живых должно не больше четверти населения" -- отметило ГПУ. Работающим записывали трудовни не по фактическому выходу, а по личным симпатиям -- естественно, что родственники, друзья, собутыльники, любовницы были в предпочтении. Хотя порядки в селе были жесткие. Член правления к-за "Перемога", бывший красный партизан Куценко Иван Павлович на колхозном дворе

избил плетью колхозницу Лавренкову за невыход на работу, также исполосовал 12-летнего Чернонога за воровство картошки. "Колгоспний двір -- для катування людей", -- говорили люди. Предколхоза Рой и партсекретарь Кучук за один невыход на работу забрали у Костюка Федора корову. У Мартыненко Марфы за один прогул отобрали усадьбу. В к-зе "Нова хвиля" у колхозницы Безь, у которой болел ребенок, изрыли огород с картошкой. Случалось, забирали сундук с одеждой, непомерно штрафовали. "Указанные факты не единичны", -- отмечало ГПУ. То же самое творилось в Халимове, Фастовцах, Петровке, Красиловке, Варваровке, других соседних селах. В с.Курень-1 умерло или слегло опухшими 70% людей, на работу смогло выходить от силы 30%. Уже стало затруднительным согнать людей на собрание. В Красиловке Бахмачского р-на предколхоза Дьяченко и предсельсовета Прокопенко додумались: били ночью в набат, зажигали посреди села солому, пока не сбегались перепуганные люди. Менее находчивые по-прежнему били окна, ломали двери, разваливали печи, выкидывали людей из хат...

В Борзнянский РПК пришло письмо: "Прохання допомогти хоч чимось, бо помираємо голодною смертю".

Начальник Бахмачского РО ГПУ Британ, нач. РО РКМ (рабоче-крестьянской милиции) Тищенко, секретарь РПК Фалалеев отметили в своем районе: пьянство, утаивание и присваивание конфискованного, круговую поруку актива, также воровство, гноение хлеба на гумне и в поле. На хуторе Ге осуждены показательным судом за подобное, кто к расстрелу, кто к 10 годам лагерей, комсомольцы Филь, Костюченко, Воробей. В соседних селах сходная картина. Состоянием на 15 мая по району обнаружено (не забудем: речь всего лишь о выборочных проверках) 2995 опухших и умирающих, из них 1665 взрослых и 1330 детей, колхозников 1166, единоличников 1525, кулаков 302. Оказана частичная помощь семьям красноармейцев. По селам бродят зайды, пухнут, умирают на улицах.

"В с.Бельмачевка состоянием на 29 мая 33 г. положение очень тяжелое, -- писал врио.начальника РО ГПУ Старовойт. -- Более 60-ти хозяйств голодают, люди частично уже вымерли с голоду, частично лежат без движения, опухшие, а часть, хотя и ходят, не способны ни к какой работе и представляют собой движущиеся трупы. Голодают, но в колхоз не идут -- нет сил. Дети бродят, как тени. Много смертей не регистрируется. Умерла Шило Елизавета -- 35 лет, два дня назад умер муж, четверо детей сидят на печи, четыре месяца не видели куска хлеба, бледные, истощенные, не могут двигаться. Умер Шкода Иван, оставив детей от одного до одиннадцати лет, которые лежат на печи и уже не разговаривают. Жена Параска сидит около них и плачет. Приблизительно в таком же состоянии остальные 60 хозяйств. С начала года умерло более 200 единоличников".

Как всегда неожиданно выяснилось: ультра-р-революционное хозяйствование вдруг привело к никак не предусмотренному падежу и общей деградации живой тягловой силы, общую истощенность которой в преддверии сева усугубило переключение части фуражных фондов на посевфонд.

Облпрокурор Батрак, директивно нацеливая районных подчиненных на живейшее участие органов юстиции в весенней засевной кампании, информировал обком: отношение к лошадям отвратительное, их истощают, доводят до гибели. В Сновском р-не сторело 39 коней вместе с конюшней. Конюхи опаздывают на работу, не убирают, не кормят, не чистят, не ухаживают, кони отвязываются от желобов, в которых ничего съестного, даже буряка, бродят где попало. В с.Ровчак-Степановка Носовского р-на за десять дней погибло 29 коней, два безнадежно заболели, отравленные негодным силосом с примесью табака в чрезмерном количестве. Коней держат подвешенными, чтобы не падали, иначе -- не встанут. Не лучше обстоит дело и с другими животными: массово дохнут коровы, свиньи, куры, отнятые у единоличников. В Коропском совхозе им.Фрунзе падеж свиней только за январь составил 60 штук, гибнут и коровы. Только за первые 20 дней февраля прокуратура рассмотрела 67 дел, связанных с сохранением и охраной конского поголовья. В последующие месяцы положение ухудшилось: за первые десять дней апреля под суд пошло 93 чел. 8 апреля колхозники хутора Бердовщина Белошапковского сельсовета Пашук Михаил, Жовтенко Александр, Жовтенко Андрей везли посевматериал из с.Грабаровка Пирятинского р-на. Лошади приустиали -- посевматериал переложили на другие подводы. Лошади в поле пролежали в грязи, холоде всю ночь, на другой день погибли. И так везде: там лошадь в канаве замерзла, там убилась, там задавилась, там искалечилась, там ранилась, там в грязи замучилась,

неспособная встать. Нерадивых конюхов заключали под стражу, но они были голодные и были не хозяева.

Положение создавалось угрожающее: области предстояло поднять 72 тыс. колхозных и 28 тыс. га единоличных паров; наличный тракторный парк, по самым жестким подсчетам, мог совладать только с 42 тыс. га -- не на полуживых же от голода бабах пахать и сеять.

-- За последние два месяца мы потеряли 19 тысяч лошадей по одному лишь индивидуальному сектору, -- докладывал на совещании облоргбюро 9 мая начальник областного земельного управления Шалимов. -- 4500 коней закупили у единоличников конебазы. Примерно 2500-3000 коней вывезли в соседние области. Остальные 12-14 тысяч никак выявить не можем -- куда они девались? На салотопку сдали? Но там такие низкие цены, что вряд ли единоличнику возможна выгода! Падеш по индивидуальному сектору исчисляется буквально единицами, поэтому вероятнее всего, что 12 тысяч лошадей проданы различными путями в Россию, Киевскую область и т.д. Сказываются низкий уровень ветеринарии (в области всего 90 ветврачей), вредительские менингиты... Надо четко определить задачи в вопросе выращивания вола -- в области всего 1,5 тысячи волов, что мало чрезвычайно. Представители Наркомзема предупреждают: о корове, как тягловой силе, много шума не поднимать. Состояние коней ухудшилось форсированием лесозаготовок к концу зимы, немедленной переброской их на сев. Коней ели, продавали на мясо, колбасу и т.д. В с. Андреевка одна бригада вышла в поле с хорошими лошадьми, которые через десять дней отошдали -- бригада сама съедала концентрированный фураж. Работать придется от зари до зари с тем, чтобы давать отдых отошдавшим лошадям, поскольку нашим "лохматкам" (порода такая) предстоит перевезти 290 тыс. тонн картофеля, 180-200 тыс. тонн хлеба, а если включить сюда сено, свеклу и т.д., то в общем получится 1000.000 тыс. тонн. А если учесть плохое состояние осенних дорог -- нагрузка на каждого отдельного коня падет колоссальная, чрезмерная нагрузка.

В возникших дебатах завкультпротделом обкома Скарбек предостерег против пренебрежительного отношения к корове как к тягловой силе, призвал позаботиться об изготовлении ярем и улучшении дорог. Облпрокурор Батрак замечает о возмутительном, нехозяйском, "не как со своими" обращении с животными: наступит лошадь колхознику на ногу, а тот хватает вилы и в отместку всаживает ей в бок. Выясняется, что, как ни крути, основные тяготы лягут, так сказать, на плечи коровы, вопрос о которой еще необходимо заострить, и на плечи еще одной тягловой силы -- женщины (не зря тов. Сталин сказал: "Женщина в колхозе -- самая большая сила").

-- 80% рабсилы в колхозах -- женщины, -- продолжил тов. Шалимов, -- но женщине нужно бытовое обслуживание, устройство яслей, общественное питание. От последнего нам отходить нельзя. Помимо прочего, это оказывает известное влияние на психологию, тем более на психологию такого отсталого элемента, как женщины, и особенно -- женщины Черниговской области.

Таким образом, дело с тягловой и рабочей силой несколько прояснилось. Но чем работать? Кузнецы, столяры, плотники, другие специалисты из колхозов всякими путями ушли, а новички, что им не поручи, все портчат.

-- Полесский дядько привык работать серпом, -- оптимистически заметил главный земельный специалист области. -- Да и с точки зрения предохранения от потерь, серп -- гениальная вещь. И даже с точки зрения выборки урожая.

На том и сошлись. Утешало и то, что "на этот момент мы имеем сплошной выход в поле" -- некуда было деваться обложенному со всех сторон крестьянину, вся надежда которого сосредоточилась на колхозной похлебке, которую, возможно, дадут, а возможно, и не дадут...

Деятельная подготовка к севу не прекращалась и в районах. 6 апреля ответработники Носовского РПК выехали в села для взятия на учет голодающих. "На месте оказалось, -- писали они позже, -- что села действительно поражены голодом. Точная смертность неизвестна, поскольку отсутствует регистрация, а семьи зачастую ничего не заявляют. Умерших зарывают в хатах, во дворе, в саду, под забором, мотивируя тем, что нет силы вынести". К 9 апреля комиссия насчитала в восьми проверяемых селах 3960 голодающих: в Ривчак-Степановке -- 74, в Степенных Хуторах -- 442, в Тертышниках -- 204, в Коломийцевке -- 413, в Калиновке -- 70, в Анновке -- 78, в Терешковке -- 116, в Лосиновке -- 2563 человека. Во многих семьях дети лежали без движения по два месяца, имеющие силы добраться до школы на уроках плакали, просили хлеба. На этом фоне даже ответработникам показалось отвратительным поведение актива: комсомолец из

с.Мрын (к-з "Вільне життя") Маленко на паре коней катал по селу невесту, а весь актив с.Адамовка, выехав в полном составе для обмена опытом, очевидно, в с.Медведовка набрался так, что, убегая от появившейся милиции, валился с возов...

Там и сям возникали конфликты: разобщение, зависть и злоба разъедали село. В с.Ивковцы предколхоза Курьян и председельсовета Кучеренко выдали молоко детям опухших единоличников (не сдавшим хлеба, которого у них не было), но тут же возроптали колхозники: "Нам отказывают, а кулакам и единоличникам выдадут!.." Мешало весеннему севу и мудрствование правлений с наделением землей единоличников и приусадебными участками колхозников. В селах Савинцы, Косачевка Остерского р-на крестьяне, не зная, где им сеять, захватывали землю друг у друга, сеяли уже на засеянных площадях, доводя дело до ссор и драк. 13 мая в с.Охоньки Прилукского р-на плановик Яцун Кирилл Пантелеймонович с сыном Иваном, облюбовав себе пустовавший клочок земли, принялись готовить его к посадке. Во втором часу дня наведались председельсовета Хижняк Григорий Иванович, предземкомиссии Клочко Иван Трофимович и согнали их с участка. Разъяренные Яцуны зарубили своих обидчиков железными лопатами, потом подождли с трех сторон село и скрылись. Сгорело восемь хозяйств, в том числе и хата предземкомиссии. Возникли неувязки и с обеспечением крестьян посевматериалом. В Нежинском р-не колхозный сектор обеспечили на 77,8%, единоличный всего на 13%. Придеснянские села залило водой, погода держалась холодной, многие посеы гибли... Не хватало фуража, навоз на поля многие хозяйства не вывозили уже два года, сказывалось и всеобщее уныние. Часть единоличников, даже получивших для посева зерно, горох, к севу не приступали: "Проем посевматериал -- и все. Не будет у меня урожая, то, может, не тронут, не посадят. А если посадят, то в ДОПРе, глядишь, и покормят". В колхозах, естественно, посевматериал сразу же стали разворовывать. В с.Шаповаловка Борзнянского р-на комсомольцы, "вместо мобилизации семфондов", в амбаре колхоза просверлили внизу дырки и ночью крали зерно.

Для работающих в поле установили строжайшую дисциплину. "Правила внутреннего распорядка сельхозартели" ("внутренний распорядок" -- как в казарме или тюрьме) гласили: рабочий день начинается не позднее 5-ти утра, до 9-ти вечера. Нарушителю грозил штраф -- часто в виде снятия части или всех ранее заработанных трудодней и лишения жалкой похлебки. В Ичнянском р-не, не справляясь с планом, сняли с колхозников около 1 млн. трудодней. В селах Нежинского р-на за одну неявку на собрание накладывали штраф в 2 тыс.рублей (четыре зарплаты Маркитана!). В числе "лодырей", которых наказывали снятием 25-50 трудодней, оказывались 60-70-летние старики и старухи.

По-прежнему люди умирали на ходу, тела сбрасывали в любые подвернувшиеся грязные ямы. Заниматься похоронами было некому -- все силы мобилизовали на поля. Накапливалась ужасная статистика. В с.Озеряны с февраля по май умерло 160 человек, что в среднем составило по 2-3 человека на хозяйство. В икле в семье красноармейца Шкатыко из с.Константиновка Недригайловского р-на вымерло шесть душ 45-ти, 42-х, 15-ти, 10-ти, 4-х и 2-х лет.

Неудивительно, что такое положение самым губительным образом сказывалось и на работе (зря тов.Троцкий кричал, что неверие в производительность рабского труда -- зловерный либеральный предрассудок). В с.Курень-2 (к-з "Вільне життя") намолотили кучу зерна, оставили на поле непереветанным -- зерно проросло. Предколхоза Макаренко почесал за ухом: "Надо скормить свиньям, а то еще кто-нибудь увидит и загремишь под суд". В других колхозах то же самое, -- резюмировало ГПУ. -- Техника под открытым небом, трактористы запускают трактора на холостом ходу и ложатся спать, меняют горючее на самогон, жгут костры из горючего, чтобы погреться. Кони наступают на брошенные вверх зубьями возле конюшен бороны, коровы давятся картошкой, волю тонут в болоте -- все лишь бы день до вечера, никакой ответственности, так как: " Не може бути, щоб не було зміни влади". Везде массовые хищения, учет в хаотическом состоянии; трудодни начисляются не по фактическом выходу на работу, а нерадивым родственникам, друзьям, подругам; рожь не повязана; скошенное гниет в покосах, прирастая к земле; нескошенное забурьянивается, осыпается, вытаптывается скотом. Хлеб прорастает в скирдах, на поле в копнах. Гибнет клевер, свекла, картофель -- даже вокруг главных дорог, на виду начальства и ГПУ. Вот на поле снопы экспортной пшеницы: колоски не подобраны, прирываются трактором -- председателю и прочим за пьянкой недосуг... Некоторые

председатели машут рукой: "Э, повымрут не только единоличники, но и мы -- колхозники".

Руководство Бахмачской МТС потеряло 7 тракторов марки "Фордзон-Путиловец", 6 лобогреек. "По агентурным данным, некоторый сельхозинвентарь валяется на поле с весеннего сева, -- писали начальник РО ГПУ Британ и уполномоченный СПО (секретно-политического отдела) ГПУ Старовойт. -- Причина: полное отсутствие трудовой дисциплины, запасных частей. Прогулы по причине голода составляют более 30%. Дороги в самом ужасном состоянии -- выбоины, заболоченность -- ежедневно ломаются возы". В свою очередь Политбюро обращало внимание на залежи запасных частей к тракторам в пакгаузах Харьковского желдорзла и на складах "Укрсельхозснабремонта"... Естественно, все это приписывалось проискам кулаков и их агентов. Признанные виновными задыхались в ДОПРах и нацеленных на Соловецкий концлагерь вагонах... Скученность в местах заключения привела к массовому "разложению" начальников Бюро исправительно-трудовых работ, главное злоупотребление которых заключалось в присваивании конфискованных денег, также взяточничестве за освобождение от работы. Там и сям возникали очаги эпидемий. Но не было ни врачей, ни дезустановок, даже мыла не было. Косил людей и тиф. В качестве слабого утешения по селам и городам ходили подметные письма: перепиши девять раз и отдай людям, три раза в день Богу молись...

Туго приходилось и городу. Разумеется, на сытых телах обкомовцев головы ровно держались. Секретари Маркитан, Резниченко, Филенко получали по 500 рублей, их помощники Карачунский, Рабинович, Бузинов -- по 400 руб., секретарь бюро секретариата Вейцман -- 300 руб., начальники отделов Затучный, Скарбек, Щепановский, Семенов, Эркес, Гарин, Менахин -- по 450 руб., даже машинистки по 150 руб. Кое-кто рангом пониже секретарей и повыше машинисток был не прочь получать мзду от председателей колхозов, но с этим следовало быть осторожным -- недостаточно конспиративных пресекали. Более того, свою зарплату обкомовцам было нетрудно и отоваривать: имелись в спецраспределителях и мануфактура, и белый хлеб, и шоколад, и масло, и консервы, и прочие деликатесы, но, само собой, не для всех людей, только для "специальных" (партия в этих вопросах равенством и демократией себя не стесняла, действуя по-уголовному: кто смог -- тот и стрел). Остальным горожанам надлежало получать пайки: 800 г основного пайка хлеба на работника и 400 г в день на иждивенца -- по первому списку; учителям, врачам соответственно 700 г и 300 г -- по второму списку; студентам и пенсионерам -- по 300 г и 100 г, то же самое на промышленных предприятиях -- по третьему списку. Это данные на апрель. В мае, например, во втором списке уже фигурируют цифры поменьше: 300 г хлеба в день на работника и 150 г на иждивенца, а по третьему соответственно 200 г и 100 г. Выкупать пайки было трудно, а во многих случаях невозможно: задолженность по зарплате и пенсиям к августу составила 4 404 тыс. рублей -- цифра громадная (из них на пенсии приходилось 40,3%). Требовали пайка 148 тыс. рабочих (41,5%) и служащих (58,5%), вообще не имевших источников существования. Голодные люди прогуливали, у них за это отбирали хлебные карточки, на некоторых предприятиях за полгода обновлялся почти весь состав.

В Прилуках, в призрачной надежде схватить кусок падали, возле салотопки не убывала очередь. Когда рядом на улице как-то пала лошадь, ее тут же разорвали на части. ГПУ и милиция уже не интересовались: кто именно рвал и нет ли в этом симуляции голодовки в контрреволюционных целях. Можно, конечно, посадить и голодных, но куда? В ДОПРе, рассчитанном на 250 человек, сидят, так сказать, стоя сидят, 920 арестантов. От тесноты и грязи началась эпидемия сыпняка. А садить есть кого -- разговоры вокруг сплошь контрреволюционные. Студентка 3-го курса педтехникума Мостовая: "Везде воруют, из нас скоро проститутток поделают. Или вымрем -- и останутся одни фабрики и заводы". Начальник сапожного цеха шорно-седельной ф-ки Марьяновский: "Бесклассовое общество строим голодными людьми. Посмотрите, люди на улице падают, как мухи. 25-30% полусытых, 35-40% полуголодных, а остальные пухнут. Что дальше будет?" Ему в поддержку -- кладовщик, кандидат партии Кравченко: "Хожу как дурак, дети пухнут, до самоубийства доводят". Завпроизводством обувной ф-ки Линченко: "А еще хватает наглости писать, что в Америке и Европе безработным плохо! У нас 40-50% рабочих опухли. Умер бы Сталин -- я не только свечу, десяток ламп зажгу!!". Кузнец Романенко Григорий из с.Яблоновка: "Навіщо я

буду працювати багато? Усе вивозять за кордон, а ми голодні". Активист Архипенко: "А если кормят, то таким, что лошади не хотят".

"Спецсводка вокруг празднования 1 Мая" зафиксировала: "Все организации пришли на демонстрацию в составе 80%. После речей участников угостили обедом, но членам их семей не выдали ничего -- ни куска хлеба. Вечером состоялись торжественные вечера, чествование ударников, выдача премий. Каменщик Журавский Иосиф Иосифович сказал товарищам: "Поздравляю с голодным праздником! На трибуне новое дворянство, оно с голоду не пухнет. А у нас на кутку ежедневно умирает 5-10 человек взрослых и детей. Разве это народные комиссары? Угнетатели!" Рабочий махорочной фабрики Филоненко: "Мимо меня ежедневно несут на кладбище 10-12 человек. А эти на трибуне веселятся!" Рабочий той же фабрики: "Раньше праздники были для всех, теперь только для них".

Положение ухудшалось с каждым днем. Кошмарно возросли цены на рынке. Сегодня мыло 30-40 коп., завтра -- рубль. Зарплаты хватает на два дня, да и ту выплачивают с большими перебоями. Заболевших рабочих снимают с питания, увольняют с работы: "Нам нужны здоровые". Один рабочий обувной фабрики сказал: "Больше не могу, придется уничтожить своих детей и самому повеситься". Вновь поступившим на работу счастливым никто не имел права выдавать питание две недели. 25 мая директор мехзавода Рудаковский в ответ на просьбу рабочих, которые на третий день работы попросили авансом по 200 г хлеба, разразился бранью: "Идите вы к чертовой матери с завода -- нет у нас хлеба!" В то же время завснабжением завода Кучер, урезая пайки выдачи, при зарплате в 200 руб. купил себе дом с усадьбой и постоянно ходил под хмельком -- довольный. Очевидно, не страдал и директор махорочной фабрики. Пригласив к себе домой слесаря Шибко отремонтировать револьвер, угостил его стаканом хорошей наливки, куском белого хлеба и ветчиной. Слесарю очень испортило впечатление от угощения мысль, что дома дети голодные. Остальным приходилось ту же.

На чулочной фабрике месячный заработок составлял не выше 65 руб. и выплачивался с большими перебоями. В мае 15 семей опухло. В семье работницы Часниковой, состоявшей из 5 душ, питались исключительно картофельными отбросами. Когда умер ребенок, его из-за отсутствия денег похоронили во дворе, а когда явились представители фабрики, престарелая мать работницы сказала: "Мне не выжить, дети настолько слабые, что не сегодня-завтра по очереди тоже умрут, прошу вас не дать хотя бы дочери погибнуть -- оставьте ей хотя те 300 г хлеба, которые она получала на семью". Рабочий Иваницкий не получал жалованья с января, остальным задерживали выплату по 2,5 месяца. В случае смерти работника, задолженность присваивала фабрика или завод, детям выдавали часть только на похороны, и так по всему городу. ГПУ не уставало регистрировать контрреволюционные разговоры: "В городе по 30 человек в день умирает, а тут еще, чтобы контрреволюцию не пришили, на заем подписывайся -- месячный-полуторамесячный заработок отдавай". "Нет сил работать, ноги подкашиваются, а для начальства всего по горло. Лучше умереть, чем так жить". "Паек -- раньше свиньи такое не ели". Опухшие валились с ног, не выходили на работу. От истощения температура тела многих снизилась до 35 градусов. На базаре фунт хлеба, качеством хуже макухи, стоил выше 4 руб., десяток картофеля 5-6 руб. -- весь дневной заработок.

Не лучше было и тем, кто работал непосредственно с зерном. Рабочим 7-й прилуцкой госмельницы, обеспеченным таким-сяким общественным питанием, перестали выдавать к обеду пайку хлеба. Из 12 грузчиков половина "демонстративно" бросила работу. Возникла угроза остановки мельницы. В конце марта отказалась выходить на работу и группа женщин: не можем, сил нет. 27 марта на суконной фабрике заболела работница Сердюченко. Товарищи хотели отвезти ее домой на фабричной лошади, но завхоз чуть не сбросил больную с повозки: мол, зачем берете без разрешения. На махорочной фабрике директор Растопыря распорядился выдавать рабочим молоко; выдавали разбавленное до 90% водой. Люди там подделывали талоны на обед, роптали: "Для ИТР панский обед, а нам помой". Нет дня, чтобы не просили досок для гробов. Лошади нетрудоспособны -- из-за отсутствия фуража.

На почте лежат невыкупленные посылки с белой мукой, сахаром -- их продают с торгов, разворовывают почтовые служащие.

В июне Прилуки получили в централизованном порядке 76,3 тонны муки. Снабжали только рабочих и служащих предприятий республиканского и местного значения, в

той или иной мере работающих на вооружение, в таких нормах: одним -- 400 г и 200 г на иждивенца, другим -- 400 г и 100 г на иждивенца, третьим -- 300 г и ничего на иждивенца. Другими продуктами с 1 января никто не снабжался, если не считать одноразовой выдачи небольшого количества круп на 1 Мая. Большинству работников, хоть что-то получавшим, выдавали по 200 г скверной муки, но не на руки, чтобы не носили домой опухшим детям, а в виде похлебки общественного питания. Возможно ли большее издевательство? Доходили ли до такого рабовладельцы?

В эти дни выдали одноразово паек и учителям района: 8 кг работнику и 4 кг на иждивенца, больше ничего. Мука была плохой -- гречневая, с шелухой, наполовину суррогатная. Кто мог, продавал одежду, другие вещи. В с.Дубовый Гай ходила по улицам опухшая учительница Приходченко: "Нагодуйте, я ще молода. Не хочу помирати!"

Секретарь-организатор эксплуатационного р-на Западной железной дороги Максимов, указывая на то, что на ст.Бахмач рабочие и члены их семей массово поражены трофическими (безбелковыми) отеками на почве голода, в своем письме РПК назвал такое положение совершенно нетерпимым, безобразным и антипартийным. Беспочвенным идеалистом был тов.Максимов, не "усекающим" генеральной линии партии!..

В мае обкомовская "Книга учета конспиративных материалов ЦК" пополнилась подписанной сперва Молотовым, а потом Сталиным "Инструкцией всем партийным, советским работникам и всем органам ГПУ, суда и прокуратуры". На инструкции, как и на всех конспиративных (подпольных?) материалах ЦК, стоял гриф: "Секретно. Не для печати", ибо все решения партии -- хорошие и не очень -- должны были обрушиваться на рядового гражданина непредсказуемо, подобно удару из тьмы, внушая благоговейный трепет и вызывая полнейшую растерянность. О чем же на сей раз пеклись вожди? В констатирующей части инструкции говорилось о том, что при ликвидации кулачества, упразднения единоличников с 1929 года правом на аресты пользовались все кому не лень -- председатели сельсоветов и колхозов, секретари партячеек, различные уполномоченные, активисты. Далее предлагалось запрещение производства арестов лицами, на то не уполномоченными. Также следовало покончить с массовыми выселениями -- допускать только в индивидуальном порядке. Уточнялось: если всего по Союзу намечено сдвинуть с мест и выселить в другие места 12 тыс.хозяйств, то Украине в этом смысле надлежит ориентироваться только на 2 тыс.хозяйств. Предлагалось также разгрузить места заключений -- ДОПРы, подвалы, самодеятельные сельсоветовские камеры, поскольку, в нарушение установленной цифры в 400 тыс.заключенных, там содержится вдвое больше. Это решение не касалось лагерей и колоний -- там счет велся особый. Могло ли это иметь какое-либо практическое значение для установившегося в стране истинного народовластия, разгула диктатуры вошедшего во вкус люмпен-пролетариата?.. Так и непонятно, что этим хотели сказать товарищи Молотов и Сталин... Да и как было исполнить инструкцию Маркитану? Шепнуть на ухо под расписку о неразглашении, поскольку она секретная и не для печати, нескольким товарищам, что вот, мол, есть мнение?.. Возможно, он так и сделал -- других решительных шагов в этом направлении документы не подтверждают.

Да и ЦК КП(б)У, безусловно, очень внимательно изучивший инструкцию, занялся не в пример более значительными делами. Во-первых, отрядил на Черниговщину для усиления просапной и уборочной кампаний проверенных и, вероятно, прошедших огонь и медные трубы партиек Тесленко, Ермакович, Колокольчикову, Гильман, Рейниш, Борзыкину, Нищету, Гриженко, Вовк и Чередникову (как только бедный крестьянин до сих пор без этих пролетарок обходился!). Во-вторых, подсказал начальнику управления погранохраны войск ГПУ Привису и руководителю Всеукраинского совета пролетарских спортобществ "Динамо" Карлсону провести эстафету "Навкруги України", взяв себе в одну из важнейших обязанностей проверку готовности к уборочной кампании. В-третьих, "бросил" на Черниговщину шесть групп студентов Высшей сельскохозяйственной школы -- поработать учетчиками, организаторами массово-политической работы (кто когда видел, чтобы без такой работы на земле что-либо росло!). Более того, отрядил "для непосредственного руководства на местах копкой и вывозкой свеклы" хорошо проявившего себя на юге Украины члена Политбюро Затонского, в сопровождении пяти самого высокого ранга уполномоченных. Очень много радетелей за черниговский урожай понаехало в область. Наступать, так наступать всем фронтом!

Но, чтобы лошадь была способна дотащить до поля, ее нужно покормить. Чтобы трактор мог хотя бы сдвинуться с места, его баки необходимо залить горючим. Чтобы обработать поле, колхознику нужно выдавать хотя бы 200 г хлебного сора в день. Так и поступили, приписав мудрость решения самому сталинскому посланцу Постышеву. Потом подумали-подумали и решились на самый крайний шаг (говорят, тоже умный Постышев предложил): на период уборки и хлебосдачи (на период -- и только!) разрешать в зерновых, свекловичных и животноводческих совхозах (вот оно, преимущество советского хозяйствования перед коллективным!) продавать папиросы, махорку, курительную бумагу, спички, иголки, нитки, конверты, писчую бумагу, блокнотики, гребни, зеркальца, ситцевые платки, пуговицы, бусы, чашки, тарелки, ложки, кружки, чулки, носки, мыло, карандаши и даже дешевые духи!.. (Возникает нехорошая ассоциация: людоедка на островах Тихого океана, надев на голову чулок и изгадив себя духами, привезенными экспедицией Кука, тоже была счастливой...)

Предельные сроки сева установили до 15 июня. Забрали коней у единоличников, одолжили, кто мог, тракторов в соседних районах... Однако с 5 июня на целую неделю зарядили дожди, в ряде северных районов начали гибнуть посевы проса, гречихи; потом похолодало, что тоже для гречихи вредно... Естественно, не было всходов и на площадях, где сеяли исключительно для отчетности. Маркитан, отчитываясь перед Политбюро, включил в сводку о яровом посеве многолетние травы. Это дошло до Косиора, за что 5 июня Маркитану поставили на вид, а начальнику облЗУ Шалимову объявили выговор с опубликованием в печати. Поскольку государство не рассчиталось с хозяйствами за прошлый год, возникли трудности со стимулированием обработки свеклы, махорки, конопли. Вопрос был настолько серьезен, что по этому поводу пришлось обращаться в Москву самому председателю СНК Чубарю: "С прошлого года государство задолжало сдатчикам конопли 2750 тонн хлеба, а для авансирования новых посевов недостает 1161 тонны хлеба. Для авансирования посевов махорки необходимо хотя бы 700-800 тонн хлеба". Из-за голода, болезней, повального бегства рабочих почти простаивали Ново-Быковский, Парафиевский, Бухаринский сахарозаводы. По тем же причинам почти прекратила работу Носовская МТС. 21 июня Маркитан рискнул попросить хлеба для финансирования сахарозаводов у самого Микояна. Куда ни кинь -- везде был клин.

Повсеместно возникали "нездоровые настроения". На общем собрании в дождливый период в с.Удовка Березнянского р-на (к-з "Червоний прапор") кто-то прямо заявил: "В 32-м все відібрали, ось і голодуємо. Раніше жили без політики і хліб їли, а тепер позабирали й посівне. Повсюди засіли шкідники, загнали країну в старці, доки терпіти будемо?.. У своєму господарстві і роботи було б по горло, а в колгоспі їсти нічого і сидимо, бо дощ". В к-зе "Переможець" с.Шаповаловка Борзнянского р-на один голодающий вышел на поле сеять вику, наелся и умер на месте. В селах Белошапки, Сергеевка Прилукского р-на, где работающим выдавали по 200 г скверной муки, чтобы сами готовили, до 500 человек, преимущественно женщин, с криками: "Вся советская власть -- мошенники, а коммунисты -- бандиты!" напали на колхозный погреб, мешками разобрали из кагатов картофель. До этого в этих селах многие спасались лошадиной падалью. Не радовала, но и навряд ли кого тревожила спецсводка о настроениях красных партизан: "Дураки, что за такую власть воевали, нужно было идти в черные партизаны, я бы теперь начал резать актив".

Как и прежде, своевременно информировали обком о положении в Прилуках секретарь РПК Робенко, начальник РО ГПУ Бершадский, оперуполномоченный СПО Костров, помощники оперуполномоченного СПО Свирский, Зиврак, Карачинцев: "В селах р-ну голодує 4127 сімей, з них дорослих членів родин 8117, дітей 6410, колгоспників 9402, одноосібників 3045, працюючих 5861, непрацевдатних 3101, хворих на ґрунті виснаження 3257, опухлих 3104, померло 1082 чол. Смертність зростає. В с.Івківці в сім'ї із шести душ залишилося двоє дітей, старшому одинадцять років. Троє дітей померли раніше, а 19 травня померла мати. Це не поодинокі випадки. Запас харчів вичерпується. Область надала 51 тонну зерна допомоги, але ця допомога реальних наслідків не дала і задовольнити нас не може. Смертність по с.Яблунівка -- одного з вирішальних сіл району: в січні -- 13, в лютому -- 22, в березні -- 46, у квітні -- 77, у травні (по 25 число) -- 74. Цифри приблизні, бо, як виявила перевірка, 124 смерті сільрада не зареєструвала. В селах Линовиця, Стара Тарнавщина, Канівщина, Полова, Сергіївка становище не краще. Людей ховають по 2-3 в одну яму. Класовий ворог розпускає чутки про "братські могили голоду". В

с.Малківці 19-річний колгоспник Х.Микола з'їв свою восьмирічну сестру. Мати померла, 12-річний брат пропав -- є підозра, що й його з'їдено. На важких роботах в колгоспах, навіть косарям, видають по 200 г неякісного борошна, що самі готували. В колгоспах нікому виходити на роботу. Комсомольці і партійці ошиваються на другорядних роботах замість показувати на провідних роботах зразки ударництва і вести за собою колгоспні маси. Саме вони являються застрільщиками закінчувати роботу о 5-й вечора, чим підтримують куркулів: "Вранці жатка не може косити, бо роса, а косою на таких харчах не потягнеш". 28 августа Политбюро ЦК КП(б)У довело до обкомов окончательное твердое годовое задание. Черниговским колхозам предстояло сдать 6980 тыс.пудов хлеба, единоличникам -- 3900 тыс.пудов, вместе -- 10880 тыс.пудов. Плюс в резерв ЦК, которым никто и никак не смел распоряжаться без его особого разрешения, 2982 тыс.пудов. Очевидно, слабо веря, что это будет исполнено, Политбюро разрешило: отдельным колхозам и единоличным хозяйствам с пониженным урожаем предоставит скидку в недоимку, подлежащую взысканию осенью 1934 года (то есть на год вперед в карман залезли). Цифра допускалась такая: колхозам -- 180 тыс.пудов, единоличникам -- 250 тыс.пудов, вместе -- 430 тыс.пудов. Право устанавливать скидки по каждому отдельному случаю предоставлялось обкомам и облисполкомам.

Подсчитали: придется хранить 9 млн.пудов -- 5 млн. примут наличные емкости "Заготзерна", с 1,2 млн. совладают мельницы "Главмуки". Куда девать остающиеся 2,8 млн.пудов? Снова гноить под открытым небом? Последовало предписание: в течение пяти дней отыскать и загрузить склады, церкви, синагоги, подвальные помещения нежилых домов и вообще все подходящее -- под личную ответственность председателя облкомиссии по хлебозаготовкам и начальника облотдела ГПУ. Невзирая на острую нехватку мест заключения, отвели под склады даже Крелевецкую тюрьму. Вывезти все зерно на станции железных дорог предлагалось не позже 1 декабря. Прием зерна возложили и на мельницы. Прилуки должны были принять 25 тыс.тонн, из них 19 тыс.тонн -- 37-я госмельница. ГПУ проверило склады. Оказалось, что они не готовы. Приемщика Жука и его помощника Жадана отправили в село потрудиться на заготовках. Склады нужны были и на другое. Во исполнение постановления Совета труда и обороны и Комитета заготовок СНК от 17 мая 1933 года о создании мобилизационного государственного фонда сена урожая 33-го года, те же Прилуки были избраны дислокационной точкой для хранения 800 тонн мобфондового сена и 6% брони для переработки -- всего 848 тонн. Обратило Политбюро должное внимание и на выполнение плана по мерчуку, которого удалось взыскать с населения по Украине всего на 53,5%. Мельницы колхозов и "Укрмлина" из-за отсутствия топлива, некачественного ремонта работали с перебоями, мерчук оседал на мельницах, разбазаривался, а если что и отпускалось на питание, то только по нарядам, завизированным Комитетом резервов ГПУ. Поскольку наличные 1385 мельниц с помолот не справлялись, приняли решение построить еще примерно 100 водяных мельниц и 700 ветряных, всемерно усилить контроль за мерчуком. Частный, нелегальный помол подлежал судебному преследованию.

Закипела уборочная страда. Естественно, как и всегда при социализме, не без некоторых перекосов. С одной стороны, не сидел без дела аппарат уполномоченного переселенческого комитета Идина и уполномоченного ЦК и СНК по тем же делам Макаренко, имеющий целью переселить к концу года из Черниговщины 7 тысяч хозяйств (три тысячи в Донецкую и четыре тысячи в Днепропетровскую области), с другой стороны, в селах не хватало рабочих рук. Выход нашли известный: чтобы собрать намеченные на 1933 год 8 тыс.конопляной пряжи и 7 тыс.тонн конопляных семян, погнали из городов рабочих и служащих -- убытка государству никакого, поскольку коноплю не съешь и на базаре не продашь. Неважно пошло дело с заготовкой намеченных 280 тонн картофеля, поэтому 8 тонн разрешили заменить зерном (все равно недоимка на 1934 год составила 39,5 тонн).

Для улучшения общего положения дел предприняли некоторые меры во исполнение постановления Политбюро "О ликвидации сыпного тифа не позже декабря 1933 г.", предписывающего вернуть медикам отобранные помещения, организовать в нужных местах бани, санпропускники, душевые, завезти дезкамеры, также позаботиться о производстве на местах мыла из всевозможных отходов и суррогатов, систематически очищать города от бродяжнического элемента.

Голод, однако, усиливался. В нескольких селах зафиксировали случаи, когда муж с согласия жены накрывал ее платком, сначала душил ее, потом убивал себя. ГПУ

по-прежнему доносило: люди мрут целыми семьями, мрут на улицах. Могилы копать некому, умерших зарывают поверху, едва прикрыв землей, не имеющие родственников лежат непогребенными по 5-6 дней. В с.Яблоновка (к-з им.Сталина) неизвестная девочка пролежала на улице, едва прикрытая соломой, четыре дня. Некоторые колхозники нарочно морили детей голодом, чтобы побыстрее умерли и чтобы не делиться с ними пайком. Детей нарочно вывозили из города, оставляли на базаре, на вокзале, в других людных местах, в надежде, что их заберут в детдома. Еще в мае только в одних Прилуках находили таких детей по 10-15 человек ежедневно. Умерших дома хоронили во дворах, в огородах, не заявляя в сельсовет. Никто не пытался и не смог сказать точно, сколько из них действительно умерли, а сколько на самом деле съедены. О случаях несомненного людоедства становилось известно только тогда, когда об этом кто-то заявлял и приходилось волей-неволей учинять небольшое расследование.

26 мая в предместье Прилук (Лапинский сельсовет) 21-летняя Ольга Г., беднячка, зарубила 2-летнюю дочь Ганну. Перед этим съела кошку и собаку, не брезговала прочей падалью. Муж умер от голода пять дней назад. Работала в колхозе, голодного ребенка закрывала на весь день в хате, половину пайка приносила, да и соседи через окно подавали иногда ребенку корку хлеба или картофелину. При допросе показала: обнаружив вечером дочь неживой, разделала ее для еды на части (страшно цитировать следственный документ, где все это расписано по-медицински подробно). Никто бы эту женщину не тревожил (ну, умер ребенок, ну, не заявила в сельсовет, а сама в огороде или под печкой зарыла), да не поверили соседи. Мол, и она, и ее муж -- лодыри, вечно искали, где легче, а девочку совсем не жалели. Девочка была веселой, румяной, мать убила ее живой. В прошлом году родила, но, кажется, неживого и будто зарыла под яблоней, сейчас тоже беременная на восьмом месяце...

17 июня Агриппина К. в с.Рудовка Прилукского р-на заманила к себе соседского 8-летнего мальчишку Колю Гойденко, задушила, зарубила, разделала, поела немного и умерла от истощения.

24 июня в той же Рудовке 13-летний Павлик С. пришел в сельсовет и пожаловался участковому инспектору, что только что умерла его мать Мария. Оказалось, что четыре дня назад, ночью, когда Павлик и его 12-летний брат Иван спали, мать по очереди их будила и принуждала зарубить топором 10-летнюю сестричку Таню, спавшую на печи. Когда сыновья отказались, она их избивала, а Таню тремя ударами в голову и другие места зарубила сама. Потом разделала на куски и варила... Если бы не умерла женщина, да сыновья смолчали, так бы и считалось: умерла Таня, вон под деревом или под забором лежит... (писатель из Козельца Иван Шевченко рассказал автору о женщине, которая в те годы съела собственного ребенка, обглоданные косточки завязала на печи в мешочек да там и оплакивала, но мы в этом очерке на подобных ужасах сосредотачиваться не будем -- слишком страшная, невыносимая, запредельная это тема).

В к-зе им.1 Мая Борзнянского р-на 14-летний мальчишка, когда отец и мать отправились на базар продать кое-какие вещи, с таким же соседским мальчишкой придушил 8-месячную сестричку. Тельце отнесли на заброшенный кирпичный заводик и два дня по частям варили.

Со всех сторон давили нехорошие слухи. В Конотопе на базаре поймали женщину, торговавшую человечинной. Не зря массово пропадают дети. В Харькове за одну ночь пропало 200 учеников, всех порезали на мясо. Приехавший из Конотопа в с.Плиски кузнец Турчин Семен Кириллович рассказал собравшимся: в Конотопе ГПУ собрало всех обессиленных от голода, отправило по железной дороге до речки Сейм и там потопило. Вернувшийся из ссылки в Бахмач Рыдванский Самийло Родионович вздыхал: "Сошел я с поезда в Лубнах, прошел более ста верст. Везде вымершие села, на хатах висят черные флаги, а людей не видно. Созрел хороший хлеб, но убирать некому".

Сталина открыто честили мерзавцем, удивлялись: при царе бунтовали из-за пустыков, а теперь все молчат. В с.Городище жена Неволько Якова сказала начальству: "Будьте вы прокляты с вашей властью. При царе мы всегда с хлебом были. Будь прокляты Ленин, натворивший это". Повсеместно стали насмехаться над красными партизанами, считая их дураками. Несколько утешал слух: "Такая грабительская власть долго удержаться не может. В Китае и Германии уже режут всех коммунистов. Скоро начнут и у нас. В Москве забастовка. Сталин удрал за кордон".

В июле пришло известие о самоубийстве Скрыпника, вызванном замечанием Постышева на Политбюро: "Скрыпник трет спину мочалкой, и то не очень прижимает, пожалуй, нужно ему придавить". "Жалко, -- вздохнул сотрудник агитпропотдела Бахмачского РПК Пономаренко, имеющий свой взгляд на случившееся. -- Единственный гениальный человек на всю Украину. А застрелился из-за такой сволочи, как Куйбышев." Пономаренко, давний работник партии, знал Куйбышева лично и был от него настолько не в восторге, что совершенно бездоказательно возложил на него ответственность за свершившееся. У каждого была своя заикленность. Сотрудник ст.Бахмач Лебедко Исаак Павлович расценил событие совсем иначе: "Приятно читать газеты с такими новостями. Начало хорошее. Будем надеяться, что этому прекрасному примеру последует тов.Сталин".

Дикий, безобразный грабеж, чинимый коммунистами, усугублялся массовыми грабежами и воровством снизу. По селам бродили никому не известные люди. Срезать колоски в колхозах, на открытых пространствах боялись -- за это строго судили. Ворovali с огородов лук, чеснок, вырывали с ботвой молодую картошку. Пышным цветом расцвели жесточайшие самосуды -- человек, у детей которого отнимают последнюю корку хлеба, беспощаден. Воров убивали на месте, за прилюдных людей никто ничего не спрашивал, регистрации их смертей сельсоветы не требовали. В с.Ивангород Бахмачского р-на на огороде вдовы -- колхозницы Мухи Ульяны 10-летнему мальчику отрубили топором ноги, другого убили на месте преступления ("Аналогичные случаи в других селах", -- уточнил на совещании актива председатель горсовета Резничок). В с.Комаровка Нежинского р-на кандидат в члены партии Тарасенко Кузьма, заподозрив в краже пяти кур ученика 7-го класса Сидорко Женю, зарубил его топором. Но поскольку Женя был пионер, а дикий случай, благодаря письму его друга ставший известным властям, "міг застрашити усю молодь Ніженщини", РПК постановило "підняти справу на належну політичну височінь"... В иных случаях с избитыми, искалеченными, убитыми разбираться было некому. Молодежные банды, часто действовавшие под видом ГПУ, уходили, отстреливаясь.

Все это подрывало престиж власти и требовало принятия мер. Областная тройка издала циркулярное распоряжение N 614581 "О решительной борьбе с бродячим, нищенствующим, воровско-грабительским и паразитирующим деклассированным элементом". 20 июля произвели операцию по массовому изъятию такого элемента во всех населенных пунктах Бахмачского р-на. "Улов" был разным, смотря по местности: где полтысячи, а где пару десятков... Кое-кого, разумеется, отсеяли (может, в гости шел или по делу в соседнее село), остальных тщательно профильтровали. Отфильтрованных отпустили, остальных разбили на трудкоманды (мечта Маркса-Энгельса, а также Ленина-Сталина) и, согласно полученным нарядам, отправили в совхозы, на сахарозаводы, строительство дорог, торфоразработки, другие узкие места -- отдельно мужчин и женщин. Кражи и ограбления несколько пошли на убыль.

Но куда было девать изъятых 20 июля детей, если на 10 июля в Бахмачском детколлекторе оказалось 126 детей, 47 из них -- в райбольнице. Состояние тех и других начальник РО ГПУ Британ характеризовал как "самое ужасное".

Простыней, полотенец нет вовсе, одеял всего восемь, соломенных матрацев мало (спят на них поперек по четверо), стол один на 20-40 едоков. Санобработка скверная, воду вскипятить невозможно, нет дров, уборной тоже нет, во дворе яма, куда свалиться можно. Завколлектором Мудрак, получив мясо и не имея нужной тары, засолил его в бочке из-под капусты, отчего мясо загнило. Что можно, все крадут. Из-за неукомплектованности штатами, дети почти без присмотра. Голодные, полураздетые, завшивленные блуждают по огородам, объевшись зелени, умирают. В Густинской детколонии еще на 13 марта скопилось 155 беспризорных, среди них много опухших. Давали им по 200 г хлеба в сутки -- круп, сахара, жиров, рыбы, молока для детей не было. Надо было власти как-то определиться и с малолетними мучениками, ставшими таковыми по ее милости. Иначе ситуация вообще могла стать неконтролируемой. 5 августа Политбюро издало постановление "Об отправке беспризорных детей на село".

Предписывалось: поручить Всеукраинской комиссии по борьбе с беспризорностью и ее облкомиссиям начать немедленно передачу детей от трех лет и старше, имевших родных, на места жительства. Работу закончить к 1 сентября. Сирот отдавать на патронаж в колхозы -- по Харьковской (столичной) области до 15 сентября, по остальным областям -- до 1 октября. Обеспечить каждого двумя сменами белья, из коих -- одна на них, комплектом верхней одежды и пальто,

парой обуви, головным убором, двумя полотенцами, тюфячной наволочкой, наперником и верхней наволочкой, зубной щеткой, коробкой зубного порошка, куском мыла и комплектом специально подобранной литературы. Что и говорить: мощная плата за уморенных родителей -- принцами являлись сироты в село помогать на ферме, пасти коров и гусей!

По-прежнему не обделяло область своим вниманием высокое начальство. Приезд Чубаря ни у кого особых впечатлений не оставил -- с народом он не встречался. Еще в конце мая южными районами области проехал председатель ВУЦИК (Всеукраинского Центрального исполнительного комитета) Григорий Иванович Петровский. ГПУ немедленно заинтересовалось "реагированием населения", которое в разных вариантах свелось к одному: "Приехал замазывать глаза, успокаивать дураков, чтобы не бунтовали. Эти мерзавцы сваливают все на низы. Внизу все разграбили и пожрали, а ты теперь подавай ему в вагон заявления. Ему что -- он всегда сыт". Петровский, имея доступ к самой разнообразной информации, позже, похоже, несколько схитрил: подал в Политбюро записку о возмутительном отношении к честным колхозникам и единоличникам на местах, в которых он сам, кажется, не побывал. Записка, однако, выгодно отличала его от членов ЦК Затонского и Зайцева и сводилась к следующему:

"На местах самый безобразный произвол. Колхозник выработал 940 трудодней, а его довели до голода. Под видом чистки обрушиваются на примерных, старательных работников. Вечером в узком кругу примут решение об исключении из колхоза, а к утру они уже обобранны до нитки и выброшены из хат. Был случай, когда один такой обобранный утопился в проруби. Громят бедняков, красных партизан, семьи красноармейцев, грабят имущество, присваивают даже коров. Президиум Бутовского сельсовета Городнянского р-на вынес решение: "Единоличники, которые, вступив в колхоз, не обобществили инвентарь, подлежат исключению". Через несколько дней снова решают: "У исключенных отобрать усадьбы". Десятки хозяйств таким образом совершенно разорены и выведены из строя. Президиум Величковского сельсовета Менского р-на вынес решение: "За невыполнение агроминимума, а именно: за неочистку посевматериала, отобрать землю, лишить приусадебной земли 31 хозяйство", -- и всех разорили. Разоряют и непомерными штрафами. 16 марта в с.Церковище Репкинского р-на на одном заседании сельсовет оштрафовал 16 хозяйств по 100 руб. за невывозку леса, 8 хозяйств по 180 руб. за невыполнение мясозаготовки и 14 хозяйств по 50 руб. за небрежное отношение к лошадям (за нечистку лошадей). Черняховский сельсовет Нежинского р-на в течение месяца наложил штрафов свыше 10 тыс.рублей. Случается, что отнимают полевою и приусадебные земли с озимыми посевами, со вспаханной зябью, конфискуют посевматериалы, инвентарь, сотни хозяйств выводятся из строя, создаются отряды трудоспособных, но лишенных возможности трудиться людей. Это факты не единичные, местами они носят массовый характер". Правда, в своих разговорах с "народом" Петровский не скрывал, что единственное средство для улучшения жизни он видит в известном: "Добить кулака как класс", однако возникла и легенда. Мол, едет высокий гость через село, видит, на дороге два дядька едят хлеб из макухи и половы. Засокрушался старик: "Нічого, потерпіть ще два місяці, хліб у нас буде. Не для того ми кайдани носили, щоб ви такий хліб їли".

Сильна была вера в народе, что с новым урожаем положение изменится! В конце концов, что-нибудь дадут, что-нибудь стянуть можно. Когда в августе местами выдали по 50 г аванса на трудодень, настроение еще улучшилось. Работали, естественно, без выходных, от зари до зари. Выходящих в поле кормили скверно. В к-зе им.Ворошилова (с.Каневщина), где общественное питание состояло из 25 г рыбы и пол-литра пропущенного через сепаратор молока, колхозницы, занятые на прополке сахарной свеклы, заболели и падали прямо на грядках. Когда упали Трус Мария, Калиш Ульяна, еще несколько женщин, не выдержала Пашко Ольга: "Аби всі забастували, то власть знайшла б хліб і до хліба. Ходімо з поля!" Побоялись -- не пошли. Ибо и бригадиры грубые, и ГПУ страшно. Ради ускорения работ, для ста одиннадцати работниц, занятых на прополке свеклы, организовали ясли, питание детей состояло из десяти граммов конфет (липких подушечек, вероятно, -- помните, старшие люди?) и чая без хлеба. 70% детей вскоре опухли. "Боже, -- взмолилась Ушенко Марта. -- Пусть нас советская власть уничтожает голодом, но ведь детей растить надо!" Еще в одном колхозе им.Ворошилова (с.Яблонька Прилукского р-на) во время уборки колхозникам давали на обед варить нетолченый ячмень. "Как свиньям", -- говорили люди. В с.Дубовый Гай выдавали на день по сто грамм фасоли, весьма тяжелой для

отошавших желудков, ежедневно умирало по 5-6 человек. В к-зе "Перемога" (с.Перволочное) колхозникам, при условии выработки, на общественное питание выделяли 15 г постного масла, 50 г пшена, 200 г муки. Но поскольку норма была такая, что выполнить ее можно дня за два, то из указанных продуктов колхозники получали в день едва половину. В к-зе "Червоний лан" (с.Мольки) бригадир Чмиль Николай Антонович потребовал лучшей кормежки, но его вызвали в сельсовет, и находившийся там оперсотрудник ГПУ задал ему такую встряску, что бригадир в своих притязаниях тут же раскаялся.

В колхозах с издевательски красочными названиями: "Шлях до кращого", "Вільна праця", "Новий побут", "Червоний сніп", "Ленінським шляхом" (самое справедливое название) возникали "волыночные" настроения. Пользуясь сезоном, многие пробовали спастись овощами, ягодами, фруктами. Если продать -- на деньги хлеба можно купить. Но вот приемщик Тиницкого перерабатывающего пункта, Чеченя Яков, от пьянства на ногах еле держится, со сдатчиками не расплачивается, все берет в долг.

25 сентября Маркитан попробовал обратить внимание Косиора на еще одно обстоятельство, охарактеризовав его, как народнохозяйственное бедствие. Для Черниговщины характерны возникшие несколько сотен лет назад болотные массивы, занимавшие около 360 тыс. гектаров. Особенно большое заболачивание пахотных земель произошло в последние 2-3 года (с началом коллективизации, когда земля лишилась хозяйского глаза так называемого единоличника. -- В.Ш.) и достигло солидной цифры в 70 тыс.га. Только в 1933 г. заболачиванию подверглось более 15 тыс.га пахотных площадей. Процесс шел чрезвычайно интенсивно: только по одному Носовскому р-ну за последний год заболочено более 12 тыс.га, что составило около 15% ко всей пахотной площади р-на. Ряд сел уже лишен возможности дальнейшего хозяйствования. Мелиорация, осушка признаны работами местного значения и из республиканского бюджета не финансировались. Нужно хотя бы 3-4 экскаватора, 2 землечерпалки, 8 мощных гусеничных тракторов... Местная самодеятельность в этом вопросе не обходилась без каверз. Возле Нежина освободили поля от воды, погнали ее по реке Остер вниз, на земли Мрынской МТС -- и затопили три четверти ее лучших, отведенных под выращивание табака и льна, серо-песчаных грунтов, также огородов...

Некуда было деваться крестьянину. Председателей колхозов, пытавшихся своей властью хоть как-то улучшить положение сельчан, как говорится, ждала суровая участь. Постановлением бюро Носовского РПК "виключено з лав партії, знято з роботи і віддано до суду куркульських агентів з партквитком у кишені голову Лосинівського к-пу "Вільний пролетар" Парасюка, парторга Кукшинського к-пу "Червона Зірка" Приходька за грубе порушення директив ЦК ВКП(б) і РНК про видачу авансів на трудовень колгоспникам в розмірі 10% фактично обмолоченого хліба; за цей же злочин голову того ж колгоспу, позапартійного Маску Миколу зняти з роботи і віддати до суду".

Впрочем, мало сельских руководителей пыталось плыть против течения. ГПУ фиксировало в большинстве случаев совсем другие картины.

Предколхоза "Перша трудоспілка" Власенко, предревкомиссии Ляшко и член правления Карась систематически пьянствовали, утаивали мерчук. Их собутыльник Усик уворовал возле молотилки мешок ржи, колхозники его поймали, но вступился председатель: "Молчите, иначе выгоню и лишу усадьбы". Они же повезли в Нежин бочку меда, по дороге назад деньги пропили, а в селе сказали: "Лопнул обруч, мед вылился". Колхозники не выходят на работу: "Зачем? Все равно все пропьют".

В к-зе им.Буденного Дедовского сельсовета вечно пьяный и грубый предколхоза Медведев за неисполнение распоряжения избил рукояткой нагана бедняка Гарагулю Ивана Емельяновича -- да так, что тот через несколько дней умер. Все еще уклоняющиеся от колхоза единоличники говорили: "Советская власть надела нам камень на шею. Не пойдем в колхоз, там убивают". Избиение по любому поводу и без повода было нормой везде. Неудобных выгоняли из столовых, не давали есть. Неспособный, очевидно, к пьянству и грабежу, опух от голода предколхоза с.Яблонька Прилуцкого р-на. В таком же состоянии оказалось 111 семей, или 20% всех колхозников, 45 семей на пороге смерти. В с.Дубовый Гай 19 семейств вовсе без пищи. Голодали колхозники, выработавшие немало трудодней: Кашка -- 8 едоков, трудоспособных трое, трудодней 206; Кобзар -- едоков четверо, все трудоспособные, трудодней 574; Кашка В.Т. -- едоков восьмеро, трудоспособных трое, трудодней 685; Волик О.И. -- едоков пятеро, трудоспособных двое,

трудодней 141; Горбатенко О. -- едоков трое, трудоспособных двое, трудодней 404.

В селах Стольное и Бегач голодало 77 хозяйств, в Семеновке -- 13, в Удовке 6 хозяйств. Питались картофельной шелухой, гречневой мякиной, кукурузным листом, но и это кончилось. Дети опухли, находились на грани смерти. В Бегаче в семье из шести человек умерло четверо. Большинство голодающих -- бедняки и малоимущие середняки. Характерно, что население не оказывало им никакой помощи. Возросли кражи, ограбления, убийства, ночью открывали кагаты и бурты с картошкой и свеклой, участились случаи отравления суррогатами. В с.Иваница среди бела дня убили на улице топором деда. Многие нищенствовали.

В с.Шаповаловка Борзнянского р-на (к-з "Переможець" и к-з "Червона зірка") голодали 15 бедняцких семейств, среди них Сытник Ефросинья -- трое малолетних детей, сын в армии, выработала 170 трудодней, в колхозе со дня его организации.

Не выдержал подобной жизни 35-летний Кислица Антон Васильевич из хутора Карпенково Краснянского сельсовета Бахмацкого р-на. В ночь на 4 августа схватил топор, потом нож и лишил жизни всю свою семью: жену Мавру, приемную дочь Матрену 19-ти лет, приемного сына Ивана 13-ти лет, сына Ивана 10-ти лет, дочь Катю 4-х лет, сына Васю полутора лет. Выбросил топор и нож в болото в ста метрах от хаты, но прятаться не думал. Ведь он не преступление совершал -- он спасал родных людей от голодной смерти...

Даже когда покончили с обмолотом, колхозникам выдавали за трудодни порченное в амбарах, гнилое зерно. В с.Стрельники Бахмацкого р-на весь посевной материал, переданный под ответственность кладовщика Барабаша, нагрелся и испортился. "В других селах то же самое", -- констатировало ГПУ.

К сентябрю-октябрю партия неожиданно открыла, что, отнимая у крестьян вместо зерна коров, можно остаться без молока и, как ни странно, даже без масла, и издала постановление: обеспечить бескоровных. Обеспечивали неравноценно: с подвохом. "На черта мне ваша телка! -- сказал житель с.Митченки Журавель Михаил. -- Верните мою корову, которую я обобществил год назад. А то выращу телку, а вы через год-два снова отнимете!.."

К концу года выяснилось еще одно обстоятельство: блистательно провален план по техническим культурам, требующих субсидирования хлебом -- конопле, льну, свекле, картофелю. С 30 тыс.га, отведенных под лен, едва хватило сырья для катониновой ф-ки, очень важной для областного центра: ведь только благодаря ей и некоторым другим предприятиям подобного рода можно было несколько улучшить благосостояние народа. Неудовлетворительно шла заготовка и отгрузка овощей для Ленинграда из двенадцати отведенных для этой цели районов. К тому же заготовление массово расхищали, особенно в дороге и на желдорстанциях. Выход был ясен и по-большевистски прост: изымать требуемое у населения. Как? 2 октября Политбюро издало постановление "О снабжении хлебом руководящих работников села", поставившее благополучие разных предсдателей и секретарей в прямую зависимость от гарницевого сбора: сколько ни собери -- получишь от собранного 5% отчислений. Понятно, что крестьянину, варившему в целях экономии зерно прямо в кастрюле или уповавшему на подпольный помол, пришлось еще туже. Даже на самодельных жерновах нельзя было себе что-либо смолоть -- разбивали жернова.

Продолжался разгул. 2 октября в с.Хрещатое Носовского р-на активисты Резниченко, Бокач, Дорошенко в 11 часу ночи ворвались к 76-летнему Диденко Степану и потребовали денег. Ничего не получив, пальнули мимо, сунули старику в рот револьвер, мушкой порвали губу. Дочь Дарью, пытавшуюся защитить отца, зверски избили, натолкали в рот земли. В ту же ночь избили Диденко Иосифа и его жену. 26 октября предсельсовета Медведь, незаконно арестовав Кобышу Евдокию (и предостережение товарища Молотова и Сталина, очевидно, плохо доведенное до него Маркитаном, на активиста не подействовало), при допросе в сельсовете нанес ей тяжелейшие побои груди.

7 ноября (праздник!) заворотделом Носовского РИКа Авраменко, пьянствуя у себя на квартире с предрайсоюза Молчановым, представителями райснаба и сахарозавода Трофимчуком и Сирадзиновым, другими ответственными работниками, что-то не поделили, передрались, подняли пальбу из нагана. Привычные к дебошам -- Молчанов в Киеве избил револьвером железнодорожного контролера Торчинского, перед этим, 6 ноября, всей компанией тяжело избили учителя Рыбака Николая Корнеевича, впрочем, тоже не ангела. То есть, ничего не боялись и ничего не стеснялись, вероятно, хорошо усвоив уроки председателя

РИКа Супруна Ивана Артемьевича, под руководством которого они в начале года и почище штуки выкидывали. Собирали неугодных, избивали палкой, ногами, оружием, закладывали ноги на шею и бросали на землю. Поиздевавшись, надевали на пострадавших юбки и выставляли напоказ людям, съехавшимся на торги. (Пишу и думаю: какой-нибудь швейцарец или австриец содрогнется от этих картин. А мы, "новые люди", десятилетиями варившиеся в котле "власти трудящихся" и "диктатуры пролетариата"?)

16 ноября в с.Лесные Хутора, в момент мобилизации подвод для пахоты на зябь, сельсоветчик Дорошенко Ефим вошел во двор к Маслаку Федору, который как раз пахал свой огород, и в ответ на отказ дать свою лошадь, набросился на него с обарком, избил, вышиб два зуба. В тот же день в пьяном виде, не получив могорыча у Михаила Жука, нанес ему два ножевых ранения. Потом избил Федора Сасько, ряд других колхозников. Жену Сасько Прасковью бил в грудь, мужа арестовал. ГПУ установило, что в прошлом этот деятель, председельсовета Самойленко и его заместитель Галушка ограбили кооператив в с.Иржавец. Тогда же они попытались убить двух партийцев -- Козла и Кизуба. Из дополнительных данных установили, что в прошлом эта тройка была участниками банды Бебы и Гаврильчука -- ограбили и убили в 1923 году по дороге в Мрын представителя РККА, везшего кожи в свою воинскую часть.

В с.Адамовка постоянно пьяный председельсовета Иван Довжик, предколхоза Степан Бондаренко, предкооператива Степан Коломиец тоже и не подумали отступить от излюбленных методов: вымогательства могорычей, увода скота, отнятия печеного хлеба, уноса окон, дверей -- разумеется, не из бандитских побуждений, а "в целях стимулирования хлебозаготовок".

Не чурался самочинных арестов, избинений, постоянного пьянства (однажды даже револьвер потерял) и председатель Мрынского сельсовета 46-летний Трофим Савеленко. Заметили: изъятый хлеб отправляет родственникам в Олишевку, незаконно штрафует -- себе в карман. Перевели на ту же должность в Медведовку. Не покаялся (вероятно, и нельзя было -- должность такая). Любил собрать вместе девочек, женщин, мужчин и запереть надолго в одно помещение, избить, отбить внутренности. Как-то впихнул в одну камеру 14-летнюю Гриценко Параску, 65-летнюю Гриценко Параску, Бровко Анну, Гаркавенко Варвару, Гребенюка Степана, Ермоленко Федора. При допросах бил, истязал, закладывал в двери пальцы, в чем ему активно помогал "какой-то человек в военной форме" -- уполномоченный райорганизации ОСОВИАХИМ. Не удивительно, что в селе и старики, и дети ходили раненые, в синяках и кровоподтеках. (Важнейшее затруднение партии: самых активных своих помощников приходилось все же судить, поскольку даже самый отъявленный бандитский режим вынужден блюсти, хотя бы для видимости, определенное благолепие).

Все это время с той же целью трудился и "зоркий глаз партии" КК РКИ (Контрольная комиссия Рабоче-крестьянской инспекции). За год комиссия вовлекла в свою работу 17 тыс. 750 рабочих и колхозников, среди них 1400 женщин. Изгоняли из учреждений всякого рода "бывших", боролись с бюрократизацией советского аппарата -- с нечутким отношением к рабочему, колхознику, семье красноармейца. Несть числа заслугам комиссии: разобрано 18500 жалоб (примерно по 500 на район), 42% из которых удовлетворено. Пример: председатель Сновской райкомиссии их родной КК РКИ Егоров изгнал из квартиры врача, присвоив ее себе. Такое случалось и в других районах, например, в Путивле. Врача вернули в его квартиру. Успех? Безусловно. Секретарь Мало-Девичьего РПК Аушев 18 месяцев не платил членские взносы -- пришлось приструнить. Успех? Еще бы. Куча пользы для трудового народа. За отказ от работы на селе, за самовольное оставление села КК привлекла к ответственности 675 членов и кандидатов партии, 308 из них исключила. В Носовке некий Бондаренко собирал у товарищей письменные свидетельства о том, что больной, сырой он человек, для села по всем статьям неподходящий. Другие то же самое делали через больницу. А всего партийцев в области не насчитывалось и 20 тысяч, поисключай -- не с кем работать. Все же за использование служебного положения в корыстных целях, растраты, взятки, подлоги так или иначе пострадало 542 человека, 301 из которых лишились партбилета. Во многих других случаях неплохо справлялись с чрезмерно зарвавшимися коммунистами правоохранительные органы. За пропой, проматывание не только вверенного ему посевматериала, но и продуктов, изъятых у населения, весьма пострадал завхоз Мрынской МТС Шаулко Кирилл Никитович; за кражу 16-ти тонн из Носовской МТС пошел под расстрел завскладом Сергеев... Доставалось и работникам "Торгсина"

за то, что не таясь, пили и ели немыслимое: коньяк, пшеничную водку, булки, консервы, шоколад, масло, сало, какао, разные маринады, копчености, сыры, колбасы, а если уж дома готовили суп или борщ, то запах свинины или говядины распространялся на все окрестности. Колхозникам, получившим на трудодень всего ничего, и единоличникам, которые весной ничего не сеяли из-за отсутствия зерна, пришлось по-прежнему питаться половой, изыскивать всевозможные суррогаты, воровать в колхозе свеклу, выпрашивать у сельсоветов досок и гвоздей на гробы, которых у сельсоветов не было. В с.Красилровка Бахмацкого р-на оказалась на грани смерти вместе с пятью детьми Харевич Оришка, муж которой умер от голода еще весной. Потеряв мужа и троих детей, оказалась в таком же положении Кочерга Параска с оставшимися тремя детьми. Пришлось надеть на себя суму нищего (торбу старца) 13-летнему Андрею Пяткину, отец которого умер, а мать Явдоху убил председельсчета Крамаренко за попытку кражи картошки. В селе зарегистрировали 12 случаев тифа. Вспыхнула эпидемия вокруг райцентра. В этом случае под нажимом ГПУ удалось организовать бани. 27 декабря забил тревогу и начальник СПО ГПУ Мирошниченко из Недригайловского р-на: в с.Хорунживка заболело 70 человек, вместе с заболевшими в соседнем селе их уже более двухсот, просим бригаду врачей и дезустановок. И с тем, и с другим у власти, как и во всем, была "напряженка"... Но случилось и хорошее: решением от 13декабря 1933 года Совнарком СССР отпустил для продажи колхозам Черниговщины 30 тыс. пудов хлебных отходов и 45 тыс.пудов отрубей. Не будем приуменьшать значение этого решения: как мы уже знаем, человеку, чтобы выжить, иногда достаточно 200 г хлебного сора в день... Именно в конце голодного 33-го года решили заняться и ликвидацией неграмотности -- на пустой желудок это дело спорится: "Кто это, граждане неграмотные, такой? Правильно: великий вождь трудящихся всего мира тов.Сталин. А пишется как? Правильно: С-Т-А-Л-И-Н". И еще новость: сам тов.Постышев приказал ввести в бюджет подведомственной ему независимой республики расходы на канализацию города Чернигова -- росло благосостояние трудящихся под чутким руководством партии и лично тов.Маркитана! Свежие интересы начали овладевать умами партийных руководителей. Несколько разгрузили тюрьмы. В Путивльском районе из трех тысяч уголовных дел пересмотрели тысячи полторы на бедняков и середняков. Секретаря Путивльского РПК Радченко, например, стало больше всего задевать оснащение школ доверенного ему района: 25% русских учебников -- хотелось, чтобы их было все 100%.

С окончанием пропашных, просапных, прополочных, уборочных, обмолотных, заготовительных, вывозных и других кампаний воспрянуло духом руководство республики и областей, не подозревая, что через несколько лет их расстреляют почти в полном составе. Вряд ли и черниговские "товарищи" обратили должное внимание на прискорбный факт: один из их коллег, член облоргбюро Скарбек, уже сидит в застенках с идиотским обвинением: польский фашист. Официально итоги 1933 году подвели 12-17 января 1934 г. -- на первой Черниговской областной партконференции. Мели метели, было морозно, свежо-хорошо заседалось. Собралось 576 делегатов, 368 -- с решающим голосом, 208 -- с совещательным. В президиуме 55 человек. Кворум полнейший. Под бурные аплодисменты избрали почетный президиум, в который вошли союзное и республиканское ЦК, весьма близкие к Чернигову люди -- Сталин, Тельман, Димитров. Программа напряженная: с 10 утра до 18 вечера, с 3-часовым перерывом на обед и прочим культурным отдыхом. Бесконечные славословия тов.Сталину, в том числе: "Да здравствует Первый колхозник и Вождь мирового пролетариата! Ур-р-ра!!." Особая благодарность Вождю за присылку на Украину "лучшего из лучших большевиков" тов.Постышева, а на Черниговщину -- тоже весьма выдающихся товарищей -- Маркитана и Голубятникова, которые, возглавив соответственно обком и облисполком, с честью выполнили указание тов.Сталина: вытащить отстающий участок -- Черниговское Полесье -- на должный уровень (ради чего и область создали). Приветственные телеграммы лично тов.Сталину, обоим ЦК, Исполкому Коминтерна, редакциям "Правды" и "Коммуниста", Харьковской областной и городской партконференциям. Простые яркие речи секретарей РПК, ударников труда, прочих представителей трудового народа. Обратил на себя внимание никогда, наверно, не слышавший о пенсионном обеспечении по старости, труженик к-за им.Петровского Роменского р-на Подольяк: "Мені 71 рік. Заробив у колгоспі 250 трудоднів, хліба одержав 85 пудів. Я прожив немало, а наш дорогий вождь тов.Сталін хай живе більше!" Присутствующий на конференции высокий гость -- Всеукраинский староста,

"стальной ленинец" Григорий Иванович Петровский -- тут же провозгласил: "Хай живе колгоспний лад на Чернігівщині!" И снова здравица, на сей раз лучшего машиниста СССР из Конотопского паровозоремонтного завода Болдырева: "Да здравствует самый первый изотовец-ударник тов.Сталин!" (хорошо, ни одного свинаря не выпустили на трибуну, а то от его здравицы даже весьма терпимый к восхвалению Первый колхозник и Лучший изотовец мог обидеться). Труженики к-за им.Сталина из с.Веркиевка Нежинского р-на преподнесли Всеукраинскому старосте пятиугольный каравай: "Щоб наша область досягла в п'ять разів більших досягнень". Еще кто-то "поднес" пять поросят и одну телку, которых развеселившийся президиум тут же переадресовал в детдома на улучшение питания. Посланцы к-за им.Маркитана Черниговской пригородной полосы подарили своему "крестному" окорок и пирог, и тов.Маркитан тоже не выказал ни малейшего поползновения отправить деликатесное угощение к себе домой. Правда, спортивный костюм и лыжи, которыми его и Голубятникова одарили благодарные спортсмены, руководитель области оставил себе: спорт -- дело пролетарское. Снова подарок, с которым неизвестно, что и делать: от Конотопского электромеханического завода тов.Петровскому -- вентилятор. Коллективный рапорт пионеров -- и снова туш, гром барабанов и бурные овации. От делегации Черниговской Высшей сельскохозяйственной коммунистической школы (250 студентов, но прицел на 400 и даже 600 студентов) выступил будущий секретарь обкома, будущий Герой Советского Союза Попудренко. Тов.Петровский, успевший по ходу конференции почернить покончившего с собой Скрыпника, счел нужным обратить внимание присутствующих на характернейшие черты еще не всколыхнутого социалистическими преобразованиями зарубежья. Примеры были простые и впечатляющие. В Канаде бастуют фермеры. В Будапеште 10 тыс.безработных, среди которых 600 с университетским образованием, чистят снег на улицах и железнодорожных станциях. В приюте для обездоленных скончалась нищенка Анна Лукаши, бывшая певица, танцовщица, некогда водившая знакомство с принцем Уэльским, будущим королем Эдуардом VII. Снова аплодисменты -- мы, слава Богу, которого нет, от таких ужасов избавлены! Хвалились и достижениями. Например, начальник политотдела Мрынской МТС Горбатенко отметил, что они сумели выполнить план до Октябрьских праздников (святое дело!) и дать стране вдвое больше хлеба, чем в 1932 году (какой ценой и сколькими жизнями -- умолчал). Дальше пошли совсем непарадные будни. Разные документы, не подлежащие огласке, фиксировала в то время "Особая папка" обкома. Отправить на Дальний Восток 2 тысячи пеших грабарей, иначе: "Срыв работы по укреплению дальневосточных границ СССР". Отпустить совхозу облотдела ГПУ из областного фонда 500 пудов зерна и 30 центнеров гречихи (очевидно, чтобы не охляли чекисты). Комендатура Краснянских военных лагерей в Олишевском районе дерет с колхозников штрафы за выпас скота, избивает, арестовывает скот -- что-то делать с армией надо. За буханкой коммерческого хлеба люди простаивают под магазинами целый день -- надо просить верхи о предоставлении дополнительной помощи, с обязательством вернуть займ при первом обмолоте. Учителя, медики полгода не получают зарплаты, не на что выкупить паек, все, кто может, разбегаются. Не прекращается голодание в селах, особенно страдают те, кто не мог весной посеять из-за отсутствия посевного материала, многодетные, больные, престарелые, у кого не было с весны сил выработать достаточное количество трудодней. Из Бахмача сообщали результаты очередной выборочной проверки. На хуторе Халимонов голодают 24 семьи, в том числе семья красноармейца Семиренко Луки Даниловича. Семеро опухших питаются суррогатами. В семье Лебедь Марии Николаевны пять душ; трудоспособен один, двое больных; лошади и коровы нет. У Дорошенко Артема Свиридовича пять душ, все время сидит в сельсовете, опухает. У Симиренко Антона Терентьевича шесть душ, опух. В селе Пески голодают 39 колхозных семей и 14 единоличных. Такое же положение в Варваровке, Белмачевке, Ивангороде. В селе Фастовцы сильная агитация под лозунгом: "Крепись, не иди в колхоз", первоисточник распространения выясняется. Району дали 100 пудов продпомощи, что -- капля в море. Да и помощь иногда с подвохом: отнимут пороса на мясозаготовки, а выдадут в виде помощи два пуда. В колхозах, совхозах бригадиры избивают людей, в совхозных столовых на 200 человек 12 мисок и ни единой ложки. От грязи, антисанитарии на 5 февраля отмечено 2279 случаев сыпного тифа. Над всем довлело: если не оказать колхозам продпомощи в количестве хотя бы 111 тысяч пудов, не вывезти из пунктов "Заготзерна" назад в колхозы по самым скромным подсчетам 850 тонн фуражного сена, 81 тыс. пудов овса и высевок, 1057 тонн фуражной ярой соломы,

не изыскать 51 тыс. тонн посевного зерна, то может случиться, что и нечем, и некому будет сеять. Ко всему, как позже оказалось, погибло много озимых и в апреле пришлось их пересеивать. Хочешь жить -- умей вертеться, доставать, что нужно, хотя бы по частям:

"Москва, Наркомзем
т.Муралову А.И.

Александр Иванович,

Вы обратились ко мне с письмом о том, чтобы взять на централизованное снабжение хлебом до нового урожая коноплярские совхозы нашей области, потребность которых выражается в 150 тоннах.

В связи с тем, что нашу Черниговскую область в снабжении хлебом урезали до такого состояния, что мы вынуждены были снять со снабжения хлебом почти всех служащих и значительную часть рабочих местной и государственной промышленности, -- помочь коноплярским совхозам мы не имеем абсолютно никакой возможности.

Учитывая то, что эти совхозы находятся в исключительно тяжелом положении по хлебу (хлеба нет, рабочие разбегаются), я убедительно прошу Вас добиться, чтобы нам отпустили хлеба на снабжение этих совхозов.

7.03.1934 г.

С комприветом,

г.Чернигов

Маркитан".

Через неделю замнаркома земледелия СССР Муралов обнадежил: хлеб отпущен, ставьте вопрос перед ЦК КП(б)У. Однако из Наркомзема УССР ответ: снабжайте коноплярей из областного бюджета -- наши средства исчерпаны.

Как в таких условиях хозяйничать? Тут еще тов.Буденный по-отечески заботится о коневодстве, а наркомснаб СССР тов.Микоян так прямо из себя наивного простачка строит, не ведающего, что его требования невозможны:

"Секретарю Черниговского обкома КП(б)У
тов.Маркитану

Свеклосовхозы недодали единоличным крестьянам и колхозникам, согласно договору, до 50 тысяч центнеров хлеба за отработанное в совхозах время. Область оказывает помощь колхозам хлебом. Прошу вас из этого фонда выдать через свеклосовхозы колхозникам-крестьянам все договорное количество хлеба в порядке погашения задолженности.

5 марта 1934 г.

С коммунистическим приветом,

А.Микоян"

На самом деле, задолженность хлеба по стимулированию всех 14-ти совхозов Черниговского свеклосахаротреста составила на 25 марта, по подсчетам начальника совхозного сектора обкома Криповецкого и агронома Савчука, не до 50 тыс.центнеров, как полагал Наркомснаб СССР, а 50 тыс.690 центнеров -- тем более, где их возьмешь?!

"Радиограмма. Не для печати. Всем обкомам, райпарткомам, директорам и начальникам политотделов МТС и совхозов. О ходе подготовки к весенней посевкампании. Постановление ЦК КП(б)У от 16 февраля 1934 г. Предупреждение украинских большевиков со стороны ЦК ВКП(б), вождя партии тов.Сталина не зазнаваться, не ослаблять, а усиливать свою большевистскую работу... жестокая классовая борьба... вредительство кулацких элементов... необходимость очистки колхозов от контрреволюционных враждебных элементов, тщательной проверки бригадиров, членов правлений, завхозов, кладовщиков..." -- разве в этом искать выход?..

Есть некоторая надежда в отрасли внешнеторговых операций. Хорошо идут на экспорт нежинские огурчики -- определенной кондиции, непереростки, которых никакие другие заменить не могут, -- одна только иностранная фирма "Спайер" затребовала их 500 тонн! Не вызывает нареканий лесозэкспорт. Нельзя сбрасывать со счетов лекарственно-техническое сырье: урожай дикорастущих растений в 1933 г. неслыханно благоприятный, но придется мобилизовать школьников, вообще детишек, поскольку потребкооперация палец о палец не ударила. Наблюдается острое отставание в отрасли кустарно художественных изделий. Хромает заготовка и производство пользующихся достаточно крепким спросом на иностранных рынках пушно-мехового сырья, шетины, конского волоса, пух-пера, овечьего кишечного сырья. Товаром высокого спроса на внешних рынках было масло, но вот "Маслопром", "Облмолокоптах" производство подняли, а качество упустили -- пришлось сбывать их продукцию как масло третьего сорта либо как технический жир... Все это ведет к торговым нарушениям, к валютному недобору,

потере политического престижа: "Вот что социалистическое государство производит!!."

Добавляла хлопот и промышленность -- даже самая передовая, обеспеченная, работающая на войну. Взять хотя бы Шосткинский завод №9, занятый исключительно пороховым, пироксилиновым, кислотным производством: перерасход по себестоимости против плановой на 10,4% или на 1,5 млн. рублей, вместо планируемого накопления в 780 тыс. рублей -- 5 тыс. 500 рублей убытка. Плохое хозяйственное и техническое руководство, постоянная перегрузка и выход из строя агрегатов, перерасход топлива, неравномерное поступление сырья (главным образом, хлопка и спирта), 10-часовой рабочий день, отмена выходных, штурмовщина... Везде вода, грязь по колено, ни магазина, ни ларька, чрезмерно дорогое общественное питание постоянно лихорадит -- мясо, жиры, рыба, консервы, сахар, постное масло, кондитерские изделия завозятся в размере 50-60% от занаряженного. Полторы тысячи рабочих живут в бараках -- зимой без топлива, без канализации, без уборных -- люди за углы бегают. Директор Зильберборт груб, нетактичен, криклив. В парторганизации всего 581 человек, за последних 14 месяцев подвергнуты взысканиям 225, из них исключено 118, за пьянство и воровство 36. Неудивительно, что при таких условиях важнейший завод обеспечен служащими всего на 47,8% и рабочими на 63,5%, пребывает практически на грани коллапса.

Хватает и других хлопот стратегического характера. Насущная необходимость подготовки Облдеревосоюза (это обаполы, бочки, древесный уголь) к переходу от мирного времени на мобилизационный период (вот еще когда тов. Сталин об "освободительных" войнах и мировой революции весьма в практической плоскости неусыпно думал!); другие мобздания. Санитарная разведка, произведенная в конце июля в 17-ти районах, отведенных под предстоящие учения РККА, вскрыла неприглядную картину: невероятная загрязненность улиц, площадей, дворов, особенно базаров, вывозка мусора почти не производится, колодцы полуразрушены и давно не чищены -- необходим двухнедельник по уборке, очистке, дезинфекции, улучшению водоснабжения... Иначе -- последствия могут быть вполне предсказуемы... Об этом в своей почтотелеграмме от 14 июля и наркомздрав УССР Канторович весьма решительно напомнил:

"Положение финансированием здравоохранения каждым днем становится все более катастрофическим ряде мест совершенно прекратилось Медицинская сеть разваливается противозидемическая борьба невозможна медикаменты продукты не выкупаются зарплата не выдается месяцами Считая положение исключительно опасным категорически прошу отдать немедленно распоряжение покрыть всю задолженность начать нормальное бесперебойное финансирование здравоохранения Одновременно убедительно прошу не сокращать лимитов местному бюджету здравоохранения так как первоначальные ассигнования были минимальны". Туда же и радеющий о своих людях управляющий Всеукраинской конторы "Союзсельхозснаб" тов. Рябов: "Требую, по примеру других областей, прикрепить ответственных работников облконторы к закрытому распределителю"... Наивные люди! Тут даже неприкосновенных, опекаемых, приравненных к руководству областного звена работников-заготовителей магазинов системы "Торгсин" пришлось снять со снабжения, а они!.. Где набраться денег? Область в начале года сняли с торгового бойкота. Маркитан призвал все РПК и РИКи: полную нагрузку магазинам! Стимулировать хлебозаготовки реализацией разбронированных товаров! Невыполнение планов товарооборота затрудняет выдачу зарплаты наличными! Но где брать деньги крестьянину? В 22-х колхозах Корюковщины даже за зерно, выдаваемое на трудодни, потребовали заплатить по госцене... Только по совхозам Черниговского Свинотреста финансовая задолженность на 11 апреля составила 1 млн. 390 тыс. 013 руб., в том числе задолженность по зарплате -- 573 тыс. 915 руб. Везде и повсюду упадок платежной дисциплины (нарком финансов УССР А. Рекис сообщил, что один только недобор займа в деревне за 1933 г. составил по Украине 30 млн. руб.), громадные задолженности по зарплате, особенно учителям и медикам, разрушение всей финансовой деятельности, непоступление налогов, срыв культсбора, срыв местного строительства, невыплата крупных сумм за услуги связи лишает связей возможности ремонта... К 8 Марта провели слет ударниц, наметили премирование, но выдали только грамоты, отчего передовые, горячие женщины остались даже без обеда, поскольку в столовой у них потребовали денег, которых у ударниц не оказалось...

Деньги, всякое начало денег -- в обреченном на долгосрочное полунищенское существование селе. Надо сеять. Но кем, на ком сеять? Тов.Голубятников подсчитал: за год в области погублено более 25% конского поголовья, точнее, выбыло со строя 50 тысяч, а из оставшихся в живых 83 тыс. -- более 35 тыс. истощены и завшивлены. Еще точнее: в Бобровицком р-не погублено 40% лошадей, в Добрянском -- 32%, в Козелецком -- 38,5%, в Корюковском -- тоже 38,5%, в Носовском -- 35%, в Сновском -- 33,6%, в Старо-Будском -- 34%, в Шостенском -- из 16 тыс. осталось 13 тыс. 310 лошадей, из них более-менее годных к работе -- процентов 20-25. Это в 1933 году. Но и в 34-м положение не улучшилось. По состоянию на 2 февраля, то есть в течение месяца, в Глухове недосчитались 117 голов, в Ичне -- 120, в Олишевке -- 125, в Нежине -- 151 и т.д. и т.п. Везде острая нехватка запарных ям, котлов для пропарки сечки; лошади забивают половой курдюки; никто животных не чистит, не моет, не купает. Так же гибнут коровы, овцы, свиньи. В с.Тиница Бахмачского р-на предколхоза Крапивный и бригадир, зная, что без их вмешательства гибнут требующие медпомощи животные, так загуляли, что один пропил пиджак, а второй -- сапоги. "У меня просто язык не поворачивается оглашать такие цифры, -- заявил на втором пленуме обкома 11-12 марта тот же Голубятников. -- В Бахмаче при обследовании 6300 коней выявили 4000 истощенных, в Носове из 6200 -- истощенных 2800, в Ромнах из 4900 -- истощенных 4100 (смех в зале). Будто ничего смешного, а по области из 83 тыс. коней -- 35 тыс. завшивлены. В таких условиях мы не приходим к севу во всеоружии!" Естественно, пришлось взглянуть более пристально на корову. Но пошел ропот, даже на слете ударниц: измученные пахотой коровы не дадут молока. Какую-то Мармилу, выступившую с подобным заявлением, не то что с трибуны, чуть со слета не изгнали. Более сознательные напомнили: тов.Сталин учит: "Коровы должны помочь коню. Трудности для того и существуют, чтобы их преодолевали большевики". И бросили клич: "Обучить коров работать: ходить в ярме -- и давать молоко". Вскоре от слов перешли к делу, однако не совсем успешно. В Глухове вместо необходимых 2,5 тыс. коров подготовили к севу 595 голов, да и ярма на них понадевали такие, что за ними бедных буренок видно не было. В Олишевском районе произвели пробный выезд на 225 коровах -- вывозили на поля навоз. В Шостенском районе вместо 1200 голов мобилизовали всего 67. "Корів запрягати? Тоді вже робіть ярма й для колгоспників", -- говорил в с.Тиница счетовод колхоза "Червоний багнет" Иван Терех. В селе Малая Загоровка состоялся разговор между колхозником Прокофием Плиской и предколхоза Роем: "Соввласть над нами смеется -- пахать коровами!" -- "Не занимайся агитацией!" -- "Это не агитация, это правда". ГПУ, естественно, тут же "усилила агентурное обслуживание" вольнодумцев. Впереди еще была засуха, молебны о дожде и преследования за молебны... Вот так и шло -- задолго до страшного 33-го и не один год после него -- вопреки тезису коммунистических борзописцев о незначительном неурожайном годике и "продзатруднениях", от которых слегка пострадали лодыри и бездельники. Только одним властью могла похвастать: приплывом в ряды ВКП(б) (вспомним выражение Маркитана) значительного количества корыстолюбцев и шкурников. Карьеристов, разумеется, тоже. И правда, если на 1 апреля 1933 г. охват сел и колхозов партиячейками составлял 33%, то через год партпрослойка возросла до 70 -- 76% -- вот, если бы еще на этой прослойке можно было пахать! Однако главнейшая, стратегическая цель партии -- сплошная коллективизация, полнейшее превращение крестьянина в безропотного солдата сельскохозяйственной армии -- достигнута не была. На 1 октября 1933 г. в Бахмачском р-не, как ни бились, констатировали: 11 тыс. 62 коллективных хозяйства составляют только 53,2% к общему количеству хозяйств по району. В пользовании колхозов 47082 га земли, иначе -- всего 65,9% ко всем пахотным площадям района. Сопротивление коллективизации невероятное. Кто-то молча умирает, кто-то нищенствует, кто-то рубит топором семью, как раскулаченный Проскура из Борзны, сам поджигает свое имущество: не мне, но не вам..., Или просто, как Яков Собора из с.Халимоново: "В колхоз не запишусь, не хочу быть крепостным"... Люди вербовались, бежали с семьями просто так, на авось, ничего не сеяли. Собираясь с семьей в дорогу, житель с.Атюши Приходько Порфирий сказал великие, перечеркивающие все писания основоположников коммунизма слова: "При советской власти земля родить не может", -- на что председатель колхоза Короткий Василий согласно кивнул головой: "Уезжайте. У нас перспектив нет". (Когда-то Лев Толстой спросил любящих и на все готовых ради него крестьян: "Почему помещичий посев не так ухожен, как их

собственный?" Пораженные вопросом крестьяне долго скребли в затылках: "Нет, барин, невозможно!.. Вот те крест, никак невозможно!!!" -- вряд ли крестьяне из Атюш знали эту историю).

Для окончательного решения вопроса неторопливому, но основательному вождю мирового люмпен-пролетариата понадобится четыре года. Всем известно его изречение: "Есть человек -- есть проблема; нет человека -- нет проблемы". Так он поступит и с "индусами" (презрительное от "индивидуалист"), которых во времена так называемой великой чистки просто перестреляют. Цель, конечно, будет достигнута: созданный ленинщиной-сталинщиной раб и до сих пор часто изнутри нас самих нас же убеждает: эх, выдавали бы всем такую-сякую, но верную пайку, а там хоть трава не расти!.. Многие именно в этом находят элементы социальной защищенности и приятное чувство всеобщей безответственности.